

Мария
Сараджишвили

ЗНАК СВЫШЕ

*Современные
Тбили*

Мария Сараджишвили
Знак свыше. Современные были

«Издательство Сретенского Монастыря»

2017

УДК 821.161.1-322.2Сараджишвили
ББК 84(5Гру-411.2)-444

Сараджишвили М. Г.

Знак свыше. Современные были / М. Г. Сараджишвили —
«Издательство Сретенского Монастыря», 2017

ISBN 978-5-7533-1332-4

В новом сборнике рассказов Марии Сараджишвили читатели встретятся с уже известными и полюбившимися им героями — любопытной Варварой, Вахо Антивирусом, серьезной Еленой, простодушным Шекспиром и другими. Еще раз пройдут с ними по улицам старого Тбилиси, прислушаются к голосам, доносящимся из душных двориков, заглянут на тбилисский базар, в горное селение и даже на кладбище. Но куда бы ни привела судьба героев М. Сараджишвили, они не сойдут с основного пути — дороги к храму. Пусть даже путь этот тернист и омыт слезами.

УДК 821.161.1-322.2Сараджишвили
ББК 84(5Гру-411.2)-444

ISBN 978-5-7533-1332-4

© Сараджишвили М. Г., 2017
© Издательство Сретенского
Монастыря, 2017

Содержание

Вместо предисловия	5
Часть первая	6
В автобусе	6
Освященное яйцо	7
Королевский дог	8
Деньги списали!!!	9
Ложка дегтя в бочке меда	11
Если вам захочется в монастырь	13
Про чудеса по заказу и временами верующую атеистку	20
Безгрешных на свете нет	23
Про иеговистку, чудотворную икону и блудные помыслы	26
Часть вторая	30
На Дезертгирке	30
Сололакская Маро	31
Необъяснимо, но факт	32
Обет	36
Попытка простить	38
Молитва по соглашению экспромтом	41
Четки монахини Анфусы	44
Старая гвардия	48
Про «наркобароншу» Таню	50
Честное слово	53
Герои «Имеди»	54
История первая. Шпион	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Мария Сараджишвили

Знак свыше. Современные были

Вместо предисловия

Отношение читателей к моим рассказам – самое разное.

«...Тебя тут один читатель ругает, – пишет мне подруга: – “Как она смеет выставлять напоказ мою личную жизнь в своем рассказе?”» – «Успокой его. Мы в жизни не встречались. Прототип у меня совсем другой человек – наш прихожанин». – «Он успокоиться не может. Высказывает мне претензии: “Каким образом эта мужененавистница описала все мои три брака? Только имя почему-то другое поставила...”»

«Сними с сайта этот мерзкий рассказ! Имей совесть! – пишет мне в чате читательница. – Не позорь Грузию». – «Во-первых, решение о публикации принимает редактор, а во-вторых, все описанное – чистая правда». – «Тебе что, больше всех надо? Что скажут русские, когда такое прочтут. У нас и так прерваны дипломатические отношения. А вдруг из-за тебя война начнется? Я тебя предупредила! О Грузии надо писать либо хорошее и культурное, либо ничего». – «Но Грузия пока еще не покойник». – «Не дождетесь!»

И на экране появляется разъяренный смайлик.

– Слушай, как ты можешь писать такое о священнике? Из-за тебя люди будут плохо думать о всей Церкви, – возмущается наш прихожанин. – Пиши лучше о птичках или природе, чтоб никого не обидеть.

– Но я не Есенин и не Пришвин.

– Надо учиться у великих. И вообще, «жена в храме да молчит».

– Но я не в храме.

– Не занимайся демагогией. Святые отцы говорят: «Благодарное молчание – золото».

– Спасибо, я исправлюсь...

Часть первая Из цикла «Рассказы про Варвару»

В автобусе

Был час пик, и потому в автобус набились, как сельди в бочке. Варвара, зажатая в проходе, пробиравшись к дверям. Полезла в карман за лапатником¹ и – о ужас! – его нету. Денег в нем было пять лар, на это еще можно было плюнуть. Но там лежала очень ценная вещь – иконочка Божией Матери «Всецарица». Отец Вячеслав из храма Александра Невского² подарил ее в тот последний визит к нему, незадолго до смерти. Только и сказал:

– Ты ведь по ночам ходишь. Пусть Матерь Божия тебя хранит.

И откуда только узнал дорогой батюшка про ее, Варварины, ночные походы? Ему неумная трещотка такие мелочи не рассказывала.

Это было еще в 1998 году, при Шеварднадзе. Варвара очень дорожила памятным подарком, не расставалась с иконой, прикладывалась к ней время от времени – и вот на тебе, поселя-таки.

Варвара резко повернулась и заметила: за ней какой-то парень трется, подозрительный. «Он и потянул!» – мелькнуло в голове.

– Эй, давай мой кошелек! – заорала Варвара и вцепилась в руку парня этакой разъяренной бульдожкой. Причем самой страшно: вдруг на профессионала-карманника нарвалась, а он и бритвой полоснуть может.

– Гижа³! – отбивался парень.

– Там икона!!!!

Подозреваемый вдруг поменялся в лице, сунул Варваре ее бумажник, словно он обжег ему руку, извинился и выскочил в открывшиеся двери.

Варвара так и онемела. Не ждала ни от карманника такой реакции, ни от себя, трусихи, такой смелости.

Может, это и есть – грудью на амбразуру, защищая святое?..

¹ Кошелек (*жарг.*). – Здесь и далее – примечания автора.

² Впоследствии архимандрит Варсонофий (Величко).

³ Сумасшедшая (*груз.*).

Освященное яйцо

...Разговляться на Пасху 1998 года у Елены собралось неожиданно много народа. Молчун Семен, завязавший криминал Гоча с семьей, беспоместная княгиня Нино со чадом, хранительница общих денег Элисо и Варвара собственной персоной.

Сели за стол, на котором высились центральные символы праздника: двухкилограммовые куличи, сыр из козьего молока и, конечно, крашеные яйца – частично от Елениных кур, частично принесенные из города.

Среди разговоров и тостов хозяйка подкинула собравшимся такую идею.

– Давайте прошлогоднее освященное яйцо разрежем и попробуем. Оно должно быть съедобное.

– Да что от того годичного яйца осталось? Пыль одна, наверное, – фыркнула Варвара.

Остальные присутствующие как-то замялись. Догма догмой, а законы естества никто не отменял.

– Вот сейчас и посмотрим, – Елена тут же достала из святого угла слегка запыленную куриную «визитку».

Вся честная компания сгрудилась и стала внимательно наблюдать за процессом удаления скорлупы.

Яйцо разрезали по числу присутствующих на части.

– Вот попробуйте! – Елена раздала всем по кусочку. – Ну. Христос воскрес!

– Воистину воскрес! – ответили гости на автопилоте, опасливо поглядывая на предложенное угощение.

– А мы, того, не траванемся? – забеспокоилась Варвара.

– Нет, – и хозяйка отправила в рот свою мизерную порцию. Гости последовали ее примеру.

Годичное освященное яйцо и на вкус оказалось свежайшим.

Королевский дог

Шли как-то Елена с Варварой вдвоем по проселочной дороге. Вокруг ни души. Вдруг на перекрестке, видят, летит на них во весь опор черный королевский дог, захлебываясь лаем. Хозяина не видно. Наверное, выпустил собаку побегать, а сам сидит где-то в тени. Внутри у Варвары все оборвалось. Бежать бессмысленно, прятаться негде.

– Не бойся, – сказала ей Елена и перекрестила собаку, которая уже была в трех метрах от них: – Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Остановись!

Собака стала, как вкопанная, и замолчала.

Деньги списали!!!

Варвара шла к Невской⁴ в редком благодушном настроении. Но на полпути встретила Назико Кутаисскую. (Назико – студентка, вся в зубрежке и конспектах, а между лекциями по церквям ходит.) Глаза заплаканные, вид отключенный. Сразу видно, человек в скорбях, как в шелках. Как тут не полезть с сочувственными расспросами.

– Что случилось?

Назико разрыдалась по новой и кое-как поведала возмутительное:

– У меня только что в церкви деньги украли... Сто долларов. Мама с маршруточником как раз сегодня передала за квартиру заплатить. Я зашла помолиться, а сумку с деньгами на скамейке в притворе оставила...

Благодушное настроение у Варвары моментально испарилось. А раздражение родное, оно тут как тут.

– Да кто ж деньги в сумке носит?! Вот смотри, как я. Все в карманах. Никакой щипач не подберется!

Назико, всхлипывая, продолжала:

– Пока все иконы любимые обошла, свечки тут, там зажгла. Вернулась, полезла за мелочью, смотрю – нет сотки.

И опять в слезы.

– Я и представить не могла такое-е-е... В святом месте...

Ясно было, что человек не просто из-за денег убивается. Крушение идеала церковного братства ее добивает.

– Короче, – перебила ее Варвара, не любительница мокроты. – Как ты действовала?

– Я... я... Подождала, пока служба закончится. Подошла к мальчику в стихаре, попросила позвать батюшку, сказала про кражу. Батюшка после службы был занят, еще не кушал. Потом все прихожане разошлись, а батюшку на отпевание увезли.

– Ооо! – застонала Варвара от такой классической бестолковости. – Надо было оба выхода заблокировать и всех обыскать. Выпускать по одному. Ведь дело принципа! Твою сотку не козел с улицы списал, а свои верующие потянули.

Назико молча хлопала бесхитростными глазами.

– Так ведь служба шла. Как заблокировать?

– Э, да что говорить, – распахнулась Варвара. – И почему вы, верующие, все такие пыльным мешком из-за угла битые – недобитые? – И, не прощаясь, зашагала в церковь в испорченном донельзя настроении. Зло повтыкала несколько свечей в подсвечники и помчалась на гору к Елене излить свой праведный гнев на всех и вся.

Это не первый раз такое. Как что в церкви случится, Варвара бегом к Елене – возмущение свое высказывать. И к борьбе призывать. К конкретным действиям.

И на этот раз Елена выслушала горячечную обличительную речь без эмоций. Только перекрестилась, как обычно.

– Помогите Господи! Утешь рабу Твою Назибролу. Видишь, уязвил враг кого-то. Бывает.

– Овчарку надо было по горячим следам привезти – след взять! – не унималась Варвара, вся кипит от такого всепрощения.

– Куда собаку? В храм? – переспросила Елена. – Да его же заново освящать надо будет. Думай, что говоришь. За своими грехами лучше смотри...

Пришлось Варваре, пыхтя и негодуя, сменить пластинку...

⁴ Церковь св. Александра Невского в Тбилиси.

Истории, говорят, свойственно повторяться. Прошло несколько лет. Варвара позвонила Зине – всемирной обличительнице – узнать церковные новости.

Уж на что Зинаида боевая (день-деньской всем вокруг замечания раздает), а тут в ответ на простой вопрос замялась и голос понизила:

– Неприятность в церкви вышла... Только смотри, никому не говори...

Варвара после такого вступления, само собой, пристала к ней пиявкой, не желая успокаиваться, пока все не вызнала.

– Наши бабки деньги батюшке собрали, на день ангела. Галина при свидетелях их алтарнику вручила. Потом через два дня спросила, передал ли он батюшке. А тот отрекся: «Какие деньги? Понятия не имею».

Гале чуть с сердцем плохо не стало. До того она всегда сборы делала, честнейший человек. А теперь говорит: «Я больше не возьмусь за это дело».

– А вы что?

– Ничего. Разошлись. Господь все видит.

– Почему вы к настоятелю не пошли? Надо было вывести этого типа на чистую воду. Дело принципа!

– Глупости не говори. Человек не сегодня-завтра священником станет, а мы тут с этим. Какое наше дело? Ты смотри не сболтни никому. И так люди от церкви отходят. Смущение одно. Лучше молчать.

Варвара только хмыкнула. Спорить не стала. Поумнела, стало быть. Только подивилась: люди разные, и церкви разные, а реакция у потерпевших одна и та же.

Вспомнила, что говорила ей Елена, цитируя святых отцов: алчешь чужого – потеряешь свое. Но ведь и преподобный Амвросий Оптинский говаривал: «Никто как Бог, да сам не будь плох»...

Ложка дегтя в бочке меда

Странную закономерность подсекла как-то скудоумная Варвара: хочу, как лучше, стараюсь изо всех сил сделать хорошее, а выходит не пойми что и сверху бантик...

...Засиделась однажды Варвара вечерком у своей соседки Нино за чаем. Распивали ее любимый – из сушеного инжира.

Нино, княжна – крестьянка по совместительству, возьми и поделись своей головной болью:

– Так хочется помочь Гии Илуридзе! Он золотой человек. Всегда мне помогает: и за пчелами моими присматривает, когда я в городе, и виноградник опрыскивает за компанию. Пропала б я без него! Не знаю, как отблагодарить. Бедняга в этом году не знает, куда свой мед продать. Наши деревенские не возьмут, а в Тбилиси везти – времени нет. Работы невпроворот.

Варвара тут же включила мозги на максимальную мыслительную мощность и предложила блистательную комбинацию:

– Я Семену предложу оптом пятьсот килограммов. Он всегда при деньгах. У него они напрасно лежат. Семьи нет. А капитал не должен простаивать. И потом он весь год потихоньку будет мед реализовывать среди своих сотрудников. За двойную цену. В итоге все в выигрыше.

Нино возликовала и бросилась душить в объятиях тщедушного генератора идей.

На другой же день Варвара выловила в церкви Семена – мойщика офисных стекол – и в красках разрисовала ему план сказочного обогащения.

– Сперва возьмешь первые полтонны. За три месяца продашь с наценкой. Потом вторые полтонны. Деньги некуда будет складывать. Божье дело! Это скольким бабкам можно будет помочь! Аж дух захватывает!

Осмотрительный Семен сперва запросил баночку на пробу. Потом, еще раз все взвесив, заказал начальные две бочки сладкого золота.

На автовокзал встречать маршрутку и Нино с драгоценным грузом Семен с Варварой пришли за полчаса. Непризнанная миром финансистка, чтоб не терять времени даром, стала изливать на молчуна-заказчика дальнейшие радужные перспективы:

– ...А потом ты еще прополис закажи. Этак килограммов десять. Нет, лучше сразу двадцать. Тоже выгодное дело. С руками оторвут. Нино еще из прополиса мази умеет делать – эффект потрясающий...

Тут подъехала маршрутка, и Нино с трудом выгрузила неподъемные бочки на разбитый асфальт.

И тут Семен разлепил наконец-то уста, впервые за все утро:

– Нино, я... это самое... ну ...короче... Возьму только одну бочку... Пока...

Нино хлопнула себя по бокам:

– Как одну?! Мы же договорились! А вторую куда я дену?

Обороняющаяся сторона после непродолжительного мычания с трудом сформулировала причину:

– Я не уверен, что смогу продать... Вот чувствую так... Меня Ангел предупреждает...

Нино широко перекрестилась и призвала Варвару в свидетели нарушения договора:

– Видишь, что делается!

Семен стоял перед ней, как провинившийся школьник, не отрывая глаз от собственных туфель.

– Это нечестно! – Нино дала волю справедливому гневу. – Это не по-христиански!

У Семена уши стали цвета знамени победившего пролетариата. Он позорно молчал.

Варвара чувствовала себя очень неловко. Именно она на днях пела хвалебные оды Семеновой пунктуальности.

Через неделю новый владелец бочки отозвал Варвару после службы в уголок и сказал убитым голосом:

– Что мне делать? Я предлагал и на работе, и здесь, нашим. Никто не берет. Кто-то сказал, что там сахар. Фальшивка.

Было от чего схватиться за голову.

По церкви тем временем пополз слух. Семена, честнейшего трудолюбивого человека, аферистка Варвара кинула в деньгах – всучила негодный мед. Причем интерпретации множились и обрастали новыми подробностями. (Про Нино и производителя Гию никто ничего не говорил, так как их в церкви никто не знал, а балаболка Варвара была тут, у всех на виду.)

Нино, со своей стороны, по вечерам клялась и божилась, по сотому разу осеняя себя крестным знаменем, что ее сосед Гия – олицетворение порядочности и мед продал «чистый, как слеза ребенка».

Если есть такой бес национализма, то он тут же стал плести новые сети.

Семен, пытаясь сбавить товар, выдал Варваре при встрече новое умозаключение:

– Грузины все такие. Так и норвят бедного армянина обставить.

Нино, как ни странно, тоже стала синхронно рассуждать в подобном ключе:

– Видишь, какой Семен непорядочный. Армяне все аферисты. Не надо было с ним связываться!

Варвара на другой день понеслась на гору к Елене – изливать израненную душу.

Отшельница поневоле, выслушав всю эту эпопею, только уточнила:

– А вы на это дело благословение брали или нет?

Возмутительница покоя устала на нее, как в детской игре «замри-отомри»:

– Н-нет, а что?

– Вот враг и подложил вам свинью. Надо было с батюшки начинать...

Варвара с тех пор избегала посредничества в чем бы то ни было. Семен еще долго мыкался со злосчастной бочкой, а потом пожертвовал ее в детдом.

Хоть там его успокоили:

– Наши все сметут. Не проблема! Если что, несите еще...

Если вам захочется в монастырь

Весна 1997 года. Елена прочитала доставленное из рук в руки письмо со слезами на глазах и бросилась к красному углу, крестясь на Спаса Нерукотворного.

– Благодарю Тебя, Господи мой, за утешение! – и только потом обернулась к Варваре: – Антонина из монастыря на побывку едет!

Варвара знала Антонину по рассказам. Дескать, была такая тбилисская девчонка, ходила вместе с Еленой в церковь Иоанна Богослова. В начале 90-х годов уехала в Москву поступать в институт, затем резко с первого курса ушла послушницей в Свято-Успенский женский монастырь в Александрове. Провела там шесть или семь лет, и теперь она инокиня с каким-то мудреным именем из Римской эпохи. В общем, живая легенда в Варварином представлении. Вот бы познакомиться поближе!

В один прекрасный солнечный день Антонина появилась у Елены на даче. Высокая, голубоглазая, с типичным русским лицом, одетая в простое темное платье до пят и подпоясанная широким ремнем, она показалась Варваре неземной красавицей.

– Ты классно выглядишь! – бухнула Варвара с порога, увидев долгожданную «легенду» за столом.

Антонина несказанно удивилась, а Елена, знакомя их, объяснила любознательке:

– Это просто монастырская благодать на ней. Там все матушки такие. Сейчас сиди тихо и не мешай вопросами. Антонина через неделю уезжает.

И инокиня продолжила прерванный рассказ о том, как ездила на богомолье в Саров, на Валаам, в Мурманск, называла местночтимых святых, рассказывала о послушаниях и еще многое другое, чего так жаждала Елена и что для Варвары было занятной диковинкой.

– Неужели домой, в тепло не тянет? – не утерпела-таки Варвара. – От одного снега там у вас одуреть можно.

– Тянет, как нет! – простодушно отозвалась Антонина, перебирая четки. – Родина есть родина. Очень тоскую по фруктам и солнцу. Но я борюсь с унынием.

– Когда снова приедешь? – поинтересовалась Елена.

– У-у, нескоро. Я и сейчас неожиданно приехала. Меня после пострига позвала игуменья и сказала: «Езжай, повидай родню!» Это впервые за все годы. А может, и вообще не вернусь.

«Каникулы Бонифация» пролетели у Антонины как один день. Перед отъездом пошли они с Варварой побродить по базару. Шли через толпу, и Варвара то и дело ловила удивленно-уважительные взгляды прохожих, провожающих глазами статную фигуру Антонины.

– Странно, – удивлялась Варвара, зная специфику базара, – час уже ходим, а никто не пристал.

– А, – отмахнулась инокиня, занятая своими мыслями. – Одежда на мне благословленная, вот и не цепляются.

Варвара с интересом оглядела ее простенькое платье, но так для себя ничего и не уяснила.

Не знали ни та, ни другая, что пройдет всего несколько часов и скромное платье в незаметную крапинку перевернет жизнь молодой инокини ровно на 180 градусов...

В воскресенье Варвара с верной приятельницей Элисо, груженные, как два ишака, мешками с хлебом, поднялись на гору к Елене и застали такую картину.

Елена, бросив на столе неубранную посуду, коленопреклоненная, плакала у красного угла и шептала:

– Вразуми их, Господи, настави на путь истины.

Обернувшись к вошедшим, она сказала, казалось, несусветное:

– Девочки! Антонину украли!

– Как? Кто?

– В день отъезда к ней пришли попрощаться ее одноклассники, а среди них Тенгиз – ее первая любовь. Поднялся шум, кутерьма. Подруги-неверующие заладили: «Да сними ты это убожество! Что ты как бабка старая!» Антонина поддалась на уговоры, сняла платок, переоделась в мирское и... все. Подступил к ней лукавый. Тенгизу, видно, тоже бабахнули по мозгам давно забытые чувства. Он тут же где-то достал машину, посадил в нее Антонину и увез к себе. Потом ночью она позвонила своим домой: «Сдавайте билет, я остаюсь!» Что же она наделала! – и Елена горько заплакала. – Ей же никак нельзя замуж выходить...

Элисо так и осела на грубо сколоченный табурет и захлопала глазами.

– Что ж теперь делать? Вот грех какой!

– Мне надо обязательно ее увидеть, – занервничала Елена, – и уговорить вернуться. Еще не поздно! Потом замолит. Игуменя уже знает, звонит в Тбилиси. Она в ужасе...

– Думает, небось, абрек на коне с кинжалом в зубах, – влезла Варвара не к месту, – увез ее монахиню в горы да в сванскую башню на цепь заковал. Позвоните человеку, успокойте, что дело тут любовное. Это не «украл», а «укралась» называется.

Елена не слушала раздражающую трескотню Варвары и продолжала свое.

– Побудьте с моей мамой, пока я в город спущусь и увижу Антонину. Ее спасти надо! Я себе места не нахожу. Вон за ночь как поседела!

И правда, с ее лба свисала седая прядь, которой еще на днях не было. Кто бы тут отказался подменить человека около болящей?

Посеревшая Елена вернулась под вечер с невеселыми новостями. Нецерковная семья жениха, хоть и не в восторге от русской невесты, тем не менее, уважая выбор Тенгиза, вручила ей официальные подарки, причитающееся количество золотых колец и спешно готовится к свадьбе.

В церкви, узнав последние новости, все выражали единодушное осуждение.

– Как она могла?

– Это все равно, что Христа предать!

– Как посмел этот негодяй взять то, что принадлежит Богу?!

Что именно произошло в ту ночь с Антониной, реально сказать никто не мог. Может, затмила разум старая любовь. Ведь Тенго за ней еще со школы ухаживал. Она столько лет была в монастыре, он знал это, но почему-то не женился. И сама инокиня вовсе не была безответственным человеком, чтобы вот так вдруг разом забыть обо всем. Так и осталось это решение неразрешимой загадкой для наблюдателей со стороны. Но уж точно учудила она подобное не из-за теплого климата или обилия фруктов. Это можно было сказать наверняка.

Зато Варвара протестовала, как могла. Вот уж раздолье для обличения и тренировки ораторских способностей. Прямо-таки бескрайние просторы.

– Ну не смогла она больше в монастыре! Там тяжело! Полюбил человек. Что же она – робот железобетонный, чтоб постоянно в себе гайки завинчивать? Господь ведь – само милосердие!

И так далее, очень эмоционально и не менее громко.

Понятное дело, трещотку никто всерьез не слушал. Все знают, какая из нее верующая. Так, соблазн ходячий и много шума из ничего. Варвара потому защищала беглую инокиню с пеной у рта, что хорошо представляла себя на ее месте. Сама, не успев еще освоиться в церкви, подумывала: «А что, если мне рвануть в послушницы?» Но побывав разок в Ольгинском монастыре⁵, поняла, что это место не для нее. Да, тихо, хорошо, воздух какой-то особенный, но она бы тут и неделю не продержалась. И хорошо, что идея усохла на корню, а то и ее бы все так же презирали.

⁵ Свято-Ольгинский монастырь в Мцхете, Грузия.

И еще был настоящий шок у неумной Варвары. Даже любвеобильный отец Филарет отказался разговаривать с Антониной на исповеди, когда та к нему подошла спустя месяц после своего замужества.

Ну, а Варваре, конечно, больше всех надо, она и полезла за объяснениями:

– Как это так, отец Филарет, почему вы Антонину не принимаете? Ее же жалко. Что делать, ошибся человек. Типа того, как неправильную специальность выбрал. С кем не бывает. У нее депрессия будет от такой дискриминации. Вы же сама любовь. Вы даже убийц принимаете... – (Тут надо отметить, что про убийц Варвара не с потолка взяла. Был такой факт. Впрочем, это к повествованию не относится.)

– Ты пойми, – объяснял ей батюшка терпеливо, – ну не могу я ее принять. Я сам монах. Я ее когда вижу, мне очень плохо. Ты все равно этого не поймешь. Убийца – это совсем другое. Пусть идет к другому священнику, но только не ко мне. Не должна она была замуж выходить!

(Долго отец Филарет этого решения придерживался, потом все-таки оттаял. Допустил. Что послужило тому причиной, Варвара так и не выяснила, хотя и не очень-то копала.)

Прошло два-три месяца.

Елена получила весточку от Антонины, где говорилось, что семейная жизнь не для нее и она очень хочет вернуться в монастырь, несмотря на беременность.

Само собой, Елена тут же развернула бурную деятельность: не жалея денег, звонила в Россию, обговаривала, как лучше доставить обратно заблудшую овцу.

Варвара скептически наблюдала всю эту суету, обильно сдобренную молитвами, и слегка посмеивалась:

– Давайте спорить, что Антонина здесь останется. Зря только энергию тратите!

Чем и довела Елену до белого каления.

Вскоре из Троице-Сергиевой Лавры с большими приключениями и пересадками приехал духовник Антонины отец Димитрий, чтобы забрать свое чадо в родные пенаты.

На решающей встрече перед отъездом собрались все участники этой истории, чтобы решить вопрос: быть или не быть.

Тенгиз, узнав причину приезда отца Димитрия, очень удивился, а потом сказал:

– Я не держу тебя, Антонина. Хочешь, вернись в монастырь. Любовь невозможно ни купить, ни удержать силой. Я и не знал, что ты не имела права выходить замуж.

Антонина долго думала и... решила остаться. Увидев красноречивые лица представителей потерпевшей стороны, Тенгиз церемонно обратился к несостоявшемуся «похитителю» его жены:

– Отец Димитрий! Мы приглашаем вас к нам на обед! Не обижайте нас отказом!

И тут же, перейдя на грузинский, стал торопить Антонину домой – готовить для гостя сациви.

Антонина возразила, что монах не будет есть мясо. Но Тенгиз, по-прежнему игнорируя русский язык, поставил точку в обсуждении меню:

– Я не разбираюсь в обычаях монахов, но знаю законы гостеприимства. Нельзя человека, который проехал из-за тебя две тысячи километров, отпустить на голом «до свиданья». Наше дело накрыть стол. Тем более что отец Димитрий в Грузии впервые...

Так что не вышло ничего с возвращением в монастырь.

Почему Антонина сама же намутила воду, а потом решила остаться, тоже никакой логике не поддается. Видно, была у нее какая-то особая причина оставаться с безработным мужем и знать наперед, что ничего хорошего в ее жизни не предвидится. Элементарно деньги на хлеб будут или нет – и то под вопросом.

Жизнь продолжалась.

На Антонину было жалко смотреть, когда она с большим животом проходила по церкви, пряча глаза от давнишних знакомых. Варвара видела это и обличала в своей типичной манере Элисо, Елену и всех близстоящих.

– Нет у вас никакой любви! Одни ваши косые взгляды чего стоят! Бедная девчонка так может и к иеговистам двинуть!

Но, как показало время, ни в какие иеговисты Антонина не двинула, а продолжала с завидным упорством по возможности ходить на службы и выстаивать в притворе.

У, какие страсти тогда кипели! Как такое забудешь...

На Пасху 1998 года у Антонины родился сын. Через год – второй.

Увидела ее как-то Варвара на автобусной остановке и не узнала. Вроде те же голубые глаза, нос и улыбка. Но что-то неуловимо прекрасное исчезло. Не было больше той небесной красавицы. Перед Варварой стояла обыкновенная молодая симпатичная женщина, которых тысячи.

– Поздравляю тебя! – бросилась к ней Варвара. – Как здорово! Уже два сына!

– Эх, – безразлично отмахнулась молодая мама, – ты просто не знаешь, как мне тошно. У меня постоянная депрессия. Монастырь по ночам вижу... Настоящая жизнь была там, а здесь что... – и отвернулась.

– Тенгиз у тебя хороший, интеллигентный парень, – лезла Варвара со своими успокоениями. – А дети! Это же такое счастье!

– Тенгиз, да, неплохой, – вяло согласилась Антонина, – любит меня и детей... С работой у него не ладится. Мы очень нуждаемся. Господь, видно, наказывает нас за мой грех. И от вторых родов все никак в себя прийти не могу. Очень тяжело было. Это мне так и надо...

– Да ладно тебе! – пихала ее в бок Варвара. – С родами – это просто совпало так. И финансы тоже у всех поют романсы. Вся Грузия без работы сидит. Время такое. Ничего. Прорвемся!

Антонина только вздыхала:

– Не поймешь ты меня. Мне ничто не в радость. *Туда* тянет. – Потом слегка улыбнулась: – Тенгиз из-за меня стал посты держать... Венчались мы с ним недавно в грузинской церкви. Эх, не то это все, не то...

– Может, вы, ну, того... не подходите друг другу? – высказалась Варвара, напичканная информацией из сомнительных газетенки.

Антонина только посмотрела на нее долгим тоскливым взглядом, каким обычно удоставляют непроходимых тупиц, и явственно выговорила, как точку поставила:

– Мне оно сто лет не нужно. Не до того. Э-э, все равно на разных языках говорим, тошно мне, очень тошно... Не могу описать.

Хотела Варвара ей для поднятия тонаса анекдот рассказать, да та и слушать не стала. По жизни, значит, человек без настроения. Но тут очередная блестящая идея пришла великой комбинаторше в светлую голову:

– Давай, я тебя с моей Верой познакомлю. Она прикольная типша. Посидим, поболтаем. Хоть немного развеселишься. А то тебе, наверное, и общаться не с кем. Верующие – тяжелые люди.

Антонина, поколебавшись, согласилась на предложенное культурное мероприятие.

Вера, маявшаяся от скуки у телевизора, обрадовалась Антонине с детьми, как новой развлечухе. Она уже была в курсе от Варвары про неудавшийся визит и тут же, расставляя посуду на столе, принялась метать искры справедливого гнева:

– С этими фанатиками не то что в разведку, на дискотеку в ТАУ⁶ нельзя сходить. Ты, Антонина, не бери в голову их фортели. Если чего надо, я тут. Меня, знаешь, как здесь, в убане⁷ уважают? – Вера на секунду запнулась, но тут же нашла точное определение: – Ну почти как вора в законе.

Антонина, ободренная неожиданным высоким покровительством, смущаясь, попросила:

– Мне б двадцать лар у кого-нибудь одолжить. За детский сад нечем платить в этом месяце.

И Вера царственным жестом тут же выдала просимое, отмахиваясь от лишних благодарностей.

Короче говоря, хорошо так посидели и расстались с приятным чувством открывающихся новых горизонтов дружбы и взаимопонимания.

Проводив Антонину с детьми, местный авторитет тут же перенесла внимание на Варвару:

– Во человек, не теряется в этой жизни! Насколько младше тебя, а уже двоих имеет. А ты сидишь тут, мух ловишь. Часики-то тикают!

– Отстань, мне нужен христианский брак, – отрезала Варвара, уже понимая, куда подул знакомый ветер.

– Щас нарисуют тебе два сразу! – Веру всегда злило такое противостояние. Человеку от души добра хочешь, а он носом крутит. И начала с удвоенной энергией: – Мозги имела, давно бы от Нодара-гвардейца родила. Или от Алеко, моего соседа. Ничего бы от их жен не убыло. А я тебе хоть сейчас тысячу долларов на роды и все такое дам. И два года до сада содержать буду. Вон, экспериментируйте у меня, какие проблемы. Подруга я тебе или нет?

Но Варвара, продолжая крутить свою пластинку, уже возилась с собачкой замка. Надо было смываться.

– Ну и дура, – неся ей вслед давно поставленный диагноз. – Пожалеешь потом, да поздно будет.

Спор этот потомственные подружки вели давно, и всегда он оставлял тошнотворный осадок. Слова «участия», как ржавые гвозди, застревают у Варвары в мозгах. Потому и заявилась

⁶ Тбилисское артиллерийское училище, которое закрыли после 90-х годов.

⁷ Район (*груз.*).

горе-омбудсменша на другой день к Елене туча тучей, забыв сказать при входе: «Отрицаюсь тебе, сатана...»

Елена только глянула на нее – сразу за святой водой потянулась. Уточнила только:

– Опять в клоаку эту ходила?

– Я хотела Антонину развлечь, поддержку оказать, – неохотно пояснила Варвара, вытирая капли воды.

– *Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых...*⁸ Чего вас обеих туда понесло, а? – И Елена постучала легонько пальцем по лбу генератора идей. – Газеты эти развратные читать, грехи новые набирать. Поди, церковь все осуждали, две трещотки! – Потом пообещала: – Погодите, будут вам обоим за это шишки.

Варвара не стерпела подобного прогноза и разоралась, забыв о всяких возрастных приличиях:

– Это какой еще шишкопад вы мне пророчите? Моя Вера со СПИД-инфо, как вы говорите, Антонине уважение сделала, стол накрыла, деньги дала! А вы с понтом «сестры во Христе» даже и не знаете, как эта бедняга прожила этот год! Ах, жалость какая, вы не видели, как ее мальчишки пережаренные пирожки наворачивали! Что так смотрите? Не знаете, что они голодают?! Ее муж в лучшем случае в день три лара делает – на базробе⁹ железяки какие-то продает.

– Я молюсь за нее, – Елена заговорила тихо, не реагируя на обидные слова. – Значит, такая у нее епитимья от Господа. Никто не гнал ее из монастыря. Я предупреждала, что ничего хорошего в этом замужестве ее не ждет. Пусть терпит и кается. Не бойся, не умрут ее дети голодной смертью...

(Как уж там Антонина каялась и какие искушения очистительные претерпевала, Варвара сказать не могла. Покаяние – не картошка, на весы не положишь и пальцем не поковыряешь. Только со временем выводы можно делать.)

Шишки, обещанные Еленой, посыпались довольно скоро, причем перекрыли путь в Верины апартаменты нерушимой стеной.

Через месяц Варваре пришлось отвечать на риторический вопрос:

– Где мои двадцать лар, что твоя верующая курица утянула?

– Ну, в ауте она сейчас, – засуетилась поручительница. – Отдаст, куда денется. Ну хочешь, я тебе по частям соберу и за нее отдам.

На Веру, видимо, в тот день темные силы психоатаку предприняли, она и понесла на возрастающей ноте:

– Мне твои позорные копейки не нужны! Меня сам принцип бесит. За базар твоя монахиня не отвечает. А мужа зачем возле себя держит?

И пошла грязью поливать все, что было Варваре дорого и близко, от священников до икон.

В итоге так обе сцепились, расплевались, что надолго потом прервали все дипотношения.

Только через полгода Антонина с большим трудом вернула злосчастный долг. Но имидж был подпорчен навеки. А местная акула капитализма занесла ее в свой внутренний черный список.

Через какое-то время позвонила Антонина Варваре и со слезами в голосе попросила:

– Очень прошу, скажи своему Бил-Гейтсу, нам позарез пятьсот лар нужны. На факте газовики поймали, мы счетчик откручивали. Штраф выписали. Зима! Они же трубу отрежут! Мы потом понемногу отдадим...

⁸ Пс. 1, 3.

⁹ Базар (*груз.*).

Варвара всей душой сочувствовала такому аховому положению и ругала газоиков: вот, мол, моду взяли, с коррупцией таким образом бороться: в самый холод, не успеешь заплатить, трубу резать! И никому и дела нет, что у Антонины трое детей задубеют. Но звонить отказалась. Потому как бессмысленно.

Еще время прошло. Распространилась новость: Антонина четвертого родила. Патриарх крестил, как и обещал, что будет крестить каждого третьего и последующего ребенка в венчанной семье.

Потом следом опять звонок и плач в трубку:

– Умоляю, скажи Вере, деньги на операцию ребенку нужны, каждый день на счету. – Это как, значит, Антонину приперло, что на свою гордость наступила, помня старый отказ! Вера для нее была чем-то вроде последней двери, куда еще можно было постучаться. – ...Взять неоткуда. Ходили в Аверс¹⁰, они в рекламе трепяются, что многодетным помогают. Отказали: помощь, мол, только после пятого...

Звонить, просьбы передавать – пустое дело. Тут не то что Вера, но и некоторые прихожанки высказывались нелестно: «Зачем рожала такую кучу, когда на хлеб денег нет? Сидела бы в своем монастыре на всем готовом, и не было бы никаких проблем».

Если бы все-таки заикнулась Варвара вышеупомянутому олигарху про Антонинино горе, ответ был бы вполне ожидаемый:

– Я сама мать-одиночка. Сейчас каждый сам за себя. Отвалите от меня. Тебе понадобится – дам, а ей нет. Вот такой у меня хош¹¹. Мое дело.

Странно устроен человек. Тут с себя рубашку снимет, а за углом «не вижу» сделает. Никакой математической схеме не подчиняется. Хотя чему удивляться – Варвара точно такая же, комок противоречий.

Кое-как дело с операцией уладилось. Каким образом – бесплатный летописец не вникал, но, похоже, тоже что-то чудесно-промыслительное. (Тут надобно пояснить, что виделись они крайне редко, так как совершенно в разных концах города живут.) Главное, выжил ребенок.

Встретились однажды в церкви. У Антонины опять тоска неопиcуемая в глазах:

– ...Дом пришлось за долги продать. Сейчас у родителей Тенго живем. Что-то неопиcуемое... Уборщицей работаю, но это все равно капля в море. Прости меня, если что... – И – ходу от любопытной к аналою, приложиться к иконе.

Варвара по-своему расшифровала недосказанное. У китайцев есть такой иероглиф, в виде двух женщин под одной крышей. «Большая неприятность» называется. А тут, видно, круче будет: кроме свекрови там еще две золовки незамужние в тесноте крутятся. Так это неприятность в энной степени вырисовывается, никак не меньше. Вопрос к читателю: где нервыкупить?

А все искушения и страдания бывшей инокини как описать? Варвара лишь самую малость углядела, но и то увиденное впечатляло.

Варвара смотрела вслед Антонине с выводком и думала: вот человек, живет, кается, как может, с мужем не разводится, четверых растит (в Грузии без льгот и пособий – это особый подвиг). Спаси ее, Господи, и меня ее святыми молитвами...

Недавно Антонина решила обратиться к одному епископу, и он ее успокоил:

– Когда дети вырастут, сделай то, на что не хватило сил в молодости.

Может, когда-нибудь так и будет...

¹⁰ Крупная аптечная сеть в Грузии.

¹¹ Зд.: я так хочу.

Про чудеса по заказу и временами верующую атеистку

Перед Варварой с шумом распахнулась высоченная дверь, покрытая резьбой XIX века. И сразу с порога обрушился водопад обличений.

– Заходи, заходи, аферистка! – Вера с раскрасневшимся лицом стояла у порога, уперев руки в бока. – С утра тебя жду, от злости лопаюсь.

Варвара хоть и знала по опыту, что эта поза у потомственной подруги (еще бабушки их дружили) – признак наивысшей точки гнева, все-таки поинтересовалась:

– Да что такого страшного случилось?

– Кто наврал, что твоя соседка видела открытые небеса на Крещение?! А? – И на той же волне совсем прозаическое требование: – Чего встала в дверях? Зайди в дом.

– Она правда видела, – оправдывалась Варвара, шагая длинным деревянным балконом. – Могу телефон дать.

– Не надо «ля-ля»! – грохотала Вера в спину гостье, топя следом по скрипучим неровным доскам. – Вчера было как раз девятнадцатое. Я специально заранее огромный список желаний приготовила, чтоб ничего не упустить. Вот, посмотри, двадцать пунктов! – и ткнула Варваре под нос лист, убористо исписанный каллиграфическим почерком золотой медалистки. – Внеплановую уборку в доме сделала, полдня театральные очки искала. Села вчера с семи утра на балконе лицом к Куре. И сижу, в очки вцепившись, аж шея затекла, до десяти-то часов. Соседи еще шастают по балкону взад-вперед, издеваются: «Что, генацвале, кого высматриваешь?» А оно не раскрылось!!! – выкрикнула Вера со слезами свою главную обиду и боль. Потом, наскоро осушив руками непрошеную влагу, вернулась к Варвариней личности: – А все ты, негодяйка, со своими сплетнями! Носишься в эту церковь, только балбесничаешь там, дезинформацию распространяешь!

Варвара пыталась было привести точные факты по этой теме, но разъяренная подруга ничего и слушать не хотела.

А зря. Судите сами. Многим людям Варвара в стиле беспроводного радио рассказывала про чудесное явление на Крещение. Кто верил на слово, кто скептически хмыкал. Но нашлись и невольные свидетели.

– Я несколько в этом не сомневаюсь, – поддержала ее пенсионерка Маквала. – Мне мама рассказывала, что когда ей было двенадцать лет, она тоже увидела раскрытые небеса. Красота, говорит, была необыкновенная. Но все очень быстро кончилось. Когда она рассказала об этом своей матери, моей бабушке, та спросила: «А ты загадала что-нибудь?» Но мама даже не знала, что, глядя на эту красоту, надо что-то загадывать...

Неожиданная поддержка поступила и от школьницы Натии:

– Я про твой случай на Крещение однокласснице рассказывала. Она вспомнила, что ее дед в детстве тоже видел раскрытые небеса и загадал: «Чтобы мне в кругу друзей за столом умереть!»

– И что?

– И, правда, прожил долгую жизнь и во время застолья умер. Как раз все пели «Шен хар венахи»¹².

– Я сама видела, – подтвердила Варварина подруга Светлана. – Случайно на девятнадцатое посмотрела на небо и увидела эту красоту. Ничего не стала загадывать, только благодарила за все. Жалко, быстро все кончилось...

¹² Гимн Богородице (Shen Khar Venakhi). Автором гимна является сын Давида IV Строителя грузинский царь Деметре I (1097–1156), который отрекся от престола и принял постриг.

Но Вера на все эти свидетельства только еще больше разозлилась и переключилась с удвоенной силой на выявление подлой сущности самозванной «летописицы»:

– Да ты на себя посмотри! Какая из тебя верующая?! Позорище!..

Варвара вместо того чтобы, как подобало случаю, «пить поругание как воду жизни», в ответ съехидничала:

– Ты везде кричишь, что атеистка. А чего у тебя Казанская на серванте стоит? Где логика?

Вера сразу же сбавила обороты обличений:

– Не твоего ума дело! Эта Казанская меня бережет. Мне за нее Серго-антикварщик тысячу долларов предлагал, я не клюнула. Икона бабкина, венчальная. Она ее из Сибири в Грузию после революции привезла. Я этой иконе, может быть, каждый день свечки зажигаю! – выкрикнула Вера с непонятным вызовом.

Варварины уши разве только вращаться не начали – от удивления. Ничего себе, какие поразительные факты выявляются! Казалось бы, знаешь человека с пеленок, даже дни рождения совпадают, и на тебе...

Веру же потянуло на воспоминания:

– Я, когда рожать собиралась (меня тут все затерроризировали: «Поздние роды! Поздние роды! Кесарево надо!»), пошла в церковь Александра Невского к отцу Вячеславу. Он меня благословил и, прикинь, точно такую же икону Божией Матери, только маленькую, мне из алтаря вынес.

Пошла я в роддом, завели меня в приемную палату, смотрю, а там тоже Казанская на стене висит.

Ну, все, думаю, дело в шляпе. И через полчаса я дочку родила без всяких болей, как семечку выплюнула. Так что это я тебе говорю, – Вера сделала тут особое ударение на значимости собственной персоны. – Эта Казанская – моя покровительница.

Варвара слушала Веру и пыталась подобрать этой ситуации соответствующее определение. Вот интересно, можно ли назвать это все исповеданием веры или пока нет? Как трудно бывает провести четкую границу: вот он – верующий, а вот атеист.

Но тут цепь ее размышлений на самом хрупком месте была прервана щелканьем пальцев.

– Ау-у. Мы тут. Вон три мешка сухарей я Елене насобирала по соседям. Давай забирай, хватит рассиживать. Тебя на горе ждут!

Варвара изумленно взглянула на подругу, сгребла легкие, но объемистые целлофановые пакеты и вышла, не прощаясь.

Слишком резкие переключения для одного дня. Сплошной клубок противоречий, а не человек.

Не далее как на прошлой неделе Вера была «слегка не в духе» и сильно гнала на всю компанию помощников, ходивших к Елене, хотя знала о них только понаслышке.

– ...Тоже мне, тимуровцы нашлись! Делать нечего туда носиться! Эта фанатичка Елена только потому и сидит на этой верхотуре, что вы ей костыли подставляете – дрова, хлеб, полный базар с доставкой на дом! Перестаньте ей это таскать – она завтра же в городе окажется...

А в итоге этих психов – мешки сухарей...

Для объективности стоит добавить, что Елена и Элисо, тоже знавшие Веру заочно, не питали к ней теплых чувств, а наоборот, не раз пеняли Варваре за «небогоугодное знакомство».

– Я, когда к вере пришла, – объясняла Елена свое кредо, – от старых друзей постепенно отошла. Мирские, даже неплохие люди, – это всегда большой соблазн, помимо их воли. А тем более если человек – атеист, постоянно сквернословит и тем самым оскорбляет Матерь Божию.

Элисо по своему обыкновению поддакивала, так как всегда соглашалась с Еленой, признавая ее неоспоримый авторитет в духовных вопросах. Варвара, естественно, перепиралась:

– Друзей кидать – последнее дело. Ну и что, что она атеистка? Это дискриминация...

Споры спорами, но тогда никто не мог представить, что через несколько лет Вера будет рыдать около умирающей Елены, ездить на другой конец города, чтобы делать уколы, и носить супы в банках, лишь бы «Божий человек не сыграл в ящик».

Чем не живая иллюстрация к словам: *Не судите по наружности, но судите судом праведным* (Ин. 7, 24).

Безгрешных на свете нет

Вышло так, что Варвара стихийно стала крестной трех детей: Гурандухт, Текле и Вахтанга.

Сама не набивалась, ее попросили. Отказываться, как известно, в таких случаях не принято.

Елена по этому поводу битый час втолковывала Варваре, какая на ней теперь лежит страшная ответственность с обязанностями в комплексе. По сему надлежит ей, Варваре, теперь за крестников молиться каждый день, водить их к Причастию и всячески являть собой образец веры и благочестия (подразумевалось, что крестная приложит максимальные усилия и наконец-то избавится от вьезшегося жаргона).

Варвара с первыми двумя пунктами согласилась, а на счет третьего рассудила по-своему. Ну, какой из нее может быть «образец веры»? Надо ж было Елене такое сморозить. Но, с другой стороны, без положительного примера детям никак нельзя.

Для начала Варвара сводила крестников к Причастию и прочитала за них благодарственные молитвы на церковнославянском (дети стояли культурно рядом, ничего не понимая). Потом крестная приступила к наглядной агитации.

– Вот смотрите, ребята, – комментировала Варвара на грузинском тоном экскурсовода. – Видите, вон там отец Филарет с крестом стоит? Он за веру в тюрьме семь лет сидел при Сталине.

Крестники молча тарасили глазенки на указанную фигуру. Причем самый младший, Вахо, сделал зрелый не по годам вывод:

– Ва-а! В тюрьме сидел, а все время улыбается.

Варвара без слов поняла недосказанное, то, что малой постеснялся сказать вслух. Дед Вахо тоже отсидел немало (не за религиозные убеждения), но кротостью нрава в быту не отличался. Поэтому, стараясь отвлечь юные умы от нежелательных параллелей и одновременно усилить впечатления, рассказала пару-тройку удивительных случаев про отца Филарета, чему сама была свидетельницей.

Первый успех воцерковления надо было закрепить, и Варвара в следующее воскресенье, заручившись согласием кумовьев, пообещала новообращенным:

– Идем в поход в православную семью. Там вы увидите, как молятся за столом и все такое. Можно даже яйцо с прошлой Пасхи разрезать, и оно будет как будто вчера сваренное. Там несколько таких освященных яиц у икон лежит.

Что и говорить, последняя реклама вызвала особый ажиотаж и шквал вопросов.

По плану предприимчивой крестной Елена, дядя Коля и вышеуказанные крашенные яички должны были играть роль дидактического пособия. Предусматривалось также, что в свободное от восприятия нового мировоззрения время дети побегают на свежем воздухе и пообщаются с окружающей флорой и фауной. По любому такое времяпрепровождение лучше, чем давиться семерым в одной комнате в коммуналке. Словом, воображение уверенно рисовало шикарный уикенд с духовным уклоном.

Почему-то все блестящие идеи Варвары заканчивались слегка чадящим пшиком, но эта комбинация удалась на славу.

Елена расцеловала ребят, подарила каждому по иконочке и по-быстрому сварила манную кашу.

За столом все вместе читали «Отче наш» на двух языках и «Богородицу». Хозяйка даже спела «Мравалжамиер»¹³, да так проникновенно, что у Варвары мороз по коже пошел. За обедом Елена очень к месту рассказала житие святого того дня. Дети слушали, затаив дыхание.

Потом дядя Коля повел всю компанию смотреть курочек, кроликов и коз, как и предусматривалось программой. Затем было еще внеплановое знакомство с собакой Умкой и лезанье к ней в будку под абрикосовым деревом.

Естественно, дети были в восторге и всю дорогу домой строили планы похода на следующее воскресенье.

Через два дня Варвара с хлебным рюкзаком поднялась на гору, лелея в душе приятные впечатления от православного уикенда.

Встретила ее Елена печально-строгим, официальным лицом и, перекрестившись, огласила выношенное решение:

– Я вынуждена тебя попросить больше этих детей сюда не приводить.

Чувствовалось, что ей нелегко это говорить.

Варвара так и села на кучу дров у порога. Только и выдохнула:

– Почему?

– Я очень люблю детей... – Елена явно хотела сгладить щекотливую ситуацию. – Но тут есть одно обстоятельство.

– Какое?

– За ними тянется какой-то греховный шлейф. Видно, мать их несколько абортотделов сделала. После вашего ухода у меня несколько цыплят подохло. Нет ничего случайного. Это знак.

Варвара напрягла свои извилины.

– Какой шлейф? Какой знак? Мало ли что бывает! Всех троих отец Филарет неделю назад крестил. При крещении все грехи прощаются.

– Знаю-знаю, – закивала защитница невинных цыплячьих жизней. – Дети хорошие, воспитанные, но на этом ставим точку. Так мне на молитве было открыто.

Варвара погрузилась в напряженные теологические выкладки. Кума ее и не скрывала про абортотделы. Тоже недавно впервые исповедовалась, плакала сильно. Вроде ей епитимью какую-то дали как раз по этому вопросу. А все от нищеты проклятой. Ну, не может ее муж Бидзина прокормить эту ораву, а ее саму на работу не пускает. «Люди скажут, что я не мужнина, раз жена будет целый день где-то пропадать». Тоже мировоззрение у человека, которое не нуждается в комментариях. У всех свои тараканы в голове. Эти-то трое вне плана родились, так как в свое время денег на абортотделы не наскребли. В итоге в семье аховая ситуация. Иногда, чтобы хлеб купить, Вахо бутылки по подъездам собирает. Девчонок по такому делу не пошлешь, опять же по той же логике – «что соседи скажут»...

Варвара попыталась все это культурно разъяснить своей духовной матери, но Елена стояла на своем: «Нет воли Божией!» Пришлось крестной-новатору свернуть дискуссию и вариться в мутной каше сомнений.

А сомнений накопилось, хоть отбавляй. Елена, бесспорно, «образец веры и благочестия». С разбойниками вела себя геройски, черного дога, который на Варвару несся, крестным знаменем остановила и на молитве ей прошлое и будущее открывается (конкретные случаи вспоминать – пальцев не хватит). Про красноречие и эрудированность церковную и говорить излишне. Сколько тропарей наизусть знает. Память какая-то лошадиная...

Но иногда и странности бывают. Вот как с цыплятами этими. Еще считает, что никто не должен семью заводить. Времена, мол, последние. Не до того.

Год назад присватался к Элисо один человек, ее сосед. Прямо проходу не давал: «Выходи за меня замуж. Давно за тобой наблюдаю». Пришла Элисо к Елене посоветоваться, чтоб свя-

¹³ Многая лета (груз.).

ценников попусту не беспокоить. Самой-то, видимо, тоже замуж хотелось. Ну и что, что возраст не юный!

Елена прямо успокоиться не могла, пока напрочь ее не отговорила. «Гони, – говорит, – этого смутителя в шею. Это тебя темные силы искушают. Сохрани свое девство до конца. Нету воли Божией тебе брачный венец принять».

Элисо, смиренница, на Елену всегда как солдат на генерала смотрела. Послушно дала единственному претенденту от ворот поворот.

Аналогично с Семеном-трудоголиком вышло. И ему отсоветовала Елена жениться, хотя а-ля невеста уже на его территории находилась.

Решила Варвара с Элисо поговорить насчет этих завихрений, но только на выговор напоролась:

– Ты в ком сомневаешься?! В Елене? Забыла, что она нас обеих к Богу привела и все, что мы знаем, – это ее заслуга... Ты грешишь на каждом шагу, раз в год причащаешься, а она святой жизнью живет, каждое воскресенье со списком исповедуется. Раз говорит – «на молитве открыто», значит, так и есть. У нее прямой контакт с Богом, а у тебя что?..

Крыть было нечем. Как ни крути, Элисо кругом права – и про грехи, и про «контакт».

Правда жизни – штука сложная. И дальнейшие события откроют сестрам во Христе простую истину: безгрешных на свете нет, а сомнения иногда не такая плохая штука.

Но до этого еще надо было дожить...

Про иеговистку, чудотворную икону и блудные помыслы

*Мы домогаемся не победы, а возвращения братьев, разлука
с которыми терзает нас.
Свт. Григорий Богослов*

Асфальтовая дорожка шла между корпусов-хрущевок: ни свернуть, ни скрыться от приближающегося торнадо у Варвары никак не получалось. Торнадо неминуемо приближался. Именовался он Анаидой. Раньше был человек как человек: боевой, веселый с вечной жаждой справедливости, а теперь все эти качества активно работали на неутомимую вербовщицу-иеговистку в деле привлечения новых членов.

«Все. Сейчас начнется», – только и успела тоскливо помыслить Варвара, как словесный вихрь обрушился на нее всей своей мощью:

– Как я рада тебя видеть! Что нового? Ты еще в этом мракобесии?! Все еще ходишь туда?! – сыпала вопросами Анаида, нервно поправляя черные волосы. – У меня ведь душа болит! Такой человек, как ты, гибнет в Православии!

– А что, у меня такой агонизирующий вид? – отбивалась Варвара, уже предчувствуя, что основного натиска ей не вынести.

И пошло, поехало. Анаида потащила свою жертву к перекладине, прибитой между двумя соснами местными аборигенами, раскрыла потрепанную Библию и, с ловкостью фокусника выдергивая оттуда нужные места, приступила к просветительской деятельности. Только и слышалось:

– Глава такая-то, стих такой-то.

Уж на что Варвара сама языкатая, а в эту трескотню еле-еле успевала свое вставлять.

– Вы, как язычники, идолам поклоняетесь... – гремела старая подруга, пугая Варвару хорошо поставленным голосом. – Вот на эту тему в Ветхом Завете...

– Ну, ты скажешь – «язычники»! – злилась Варвара, не зная, чем ее отбрить. – Вот, например, Владимирская икона Божией Матери во время нашествия татар...

– Не смей меня этими бабушкиными сказками, – строчила Анаида, не вникая. – Все эти выдуманные чудеса от темных сил! – И тут же раскрыла соответствующее место.

Варвара со вздохом озиралась вокруг. Тошно-то как! И поблизости ничего подходящего, чтоб на светлую мысль натолкнуло. Только вон, алкаши у пивной будки трутся и недвусмысленные взгляды на них, двух раскричавшихся сорок, кидают.

Анаида всего этого не видела – заблудшую душу из омута догматизма спасала. Тут не до мелочей пейзажа.

– А ты говоришь – «иконы», – закончила она чтение очередного куска, возвращаясь к прозе жизни. – Вот с тобой лично какое-нибудь чудо от икон было? Только не надо рассказывать, что было при царе Горохе.

Варвара уж и рот разинула, чтоб постоять за двухтысячелетнюю Мать-Церковь, но почему-то медлила. Факт в защиту иконопочитания вертелся на языке, да только при пересказе мог весь эффект на ноль свести...

...Внешне это выглядело так. Все присутствующие в тот день на службе стояли молча. Хор пел Херувимскую песнь.

В углу, над Варварой, висел старый потемневший образ «Покров Божией Матери». А под черепушкой копошились мысли, совсем обратные тому, что в этот момент пелось. Если совсем точно, то Варвару опять мучили блудные помыслы. Вдруг от иконы раздался треск, будто дерево раскалывается. Все стали оборачиваться на шум. К Варваре подошла Элисо, догадавшаяся о ее мысленных потугах, и потребовала:

– Сейчас же пойд и исповедуйся! Не слышишь, икона трещит!

Треск в это время прекратился.

– Это не из-за меня, – слукавила Варвара.

И тут треск раздался снова. Перепуганная Варвара козой отскочила от облюбованного угла, и сразу все стихло.

Служба закончилась, а вопросы остались: что это было? Вот и отправилась Варвара к Елене за выяснением, может ли икона трещать сама по себе?

– Может, – последовал ответ без тени удивления и тут же – контрвопрос: – Что, «Покров Божьей Матери» трещал?

– Да...

– Наверное, в этом твоя вина. Это чудотворная икона. На моей памяти она уже так трещала... Как-то во время службы около нее стояла одна раба Божия. Вдруг мы все услышали треск. Я каким-то образом почувствовала, что причина в ней, подошла и спросила, обратившись по имени: «Что ты наделала?» И она рассказала, что когда ее мужа посадили, ей пришлось очень туго материально, ну и согрешила, несчастная. Теперь она очень переживает и не находит в себе силы покаяться. Так икона придала ей смелости для исповеди, – закончила Елена, а для большей убедительности еще и процитировала по памяти: – Как преподобный Никита Стифат говорил: «Девство и брак не для всех, но целомудрие для всех»...

От воспоминаний Варваре еще хуже стало. Вот бы Елену сюда, уж она бы не растерялась. Быстро бы нашла, какой довод помощнее привести.

А свой личный опыт лучше не вспоминать. Анаида еще, чего доброго, жалостливую рожу скорчит и скажет:

– Ну вот, что и требовалось доказать. У тебя уже слуховые галлюцинации.

Анаида тем временем, не дождавись личного Варвариного чуда, тактику поменяла и перешла в контрастопление – уколола в самое больное.

– Вот скажи, – даже темп речи замедлила, как пантера перед прыжком, – а есть в вашей церкви любовь? Такая, как у первых христиан была?

Варвара только вздохнула. Крыть ей опять было нечем.

– А-а, то-то же... Нету! Вот приходи к нам, свидетелям Иеговы! Увидишь, у нас совершенная любовь! Нигде такого общества нет!

Варвара только хмыкнула недоверчиво:

– Не надо мне лапшу на уши вешать. Совершенного общества при Иисусе Христе не было. А вы кто такие?

Анаида бросилась было спорить, но потом устало сказала:

– Я ведь люблю тебя и о твоём спасении думаю. Такие, как ты, в будущем веке обречены.

И Варвара уцепилась за эти слова, как за соломинку.

– Главное, чтоб мы друг друга любили, а там пусть нас Господь рассудит, кто прав.

На том и разошлись. Жаль, что в церквях специальных молебнов не служат об отошедших от Православия. Варвара бы длиннющий список подала. А то спорить, переубеждать – ни красноречия, ни теологической подкованности не хватает.

А может, кто из единоверцев прочтет и воззовет ко Господу:

– Открой, Господи, рабе твоей Анаиде и всем, кто с ней, красоту Православия, чудотворные иконы и Пасхальную радость.

Без того ведь и жизнь не жизнь. Тем более, что по иеговистскому учению душа после смерти умирает.

Вот в таком мрачном настроении отправилась Варвара к отцу Павлу – рассказать о своем фиаско. Тот, как обычно, с третьего слова ухватил суть дела.

– Иеговистка? Библию наизусть шпарит, а ты и сплеховала...

Потом с трудом поднялся с лавки, зашел в алтарь и вынес оттуда через какое-то время ксерокопированное дореволюционное издание с «ятями». На обложке значилось: «Доброе исповедание»¹⁴.

– На, изучи и действуй по обстоятельствам.

Варвара составила для себя конспект раритета, так как денег на ксерокс не было, и стала таскать с собой рукописание, дабы испытать его действенность на практике.

Шанс представился довольно быстро.

– Не хотите ли узнать имя Бога? – с такой заученной фразой подошли к Варваре в парке две приятные девушки, уже на ходу доставая одинаковые книжки в черных обложках.

Варвара, совсем как в американских вестернах при встрече двух враждующих группировок, выхватила свою шитую тетрадку с «Добрым исповеданием» и пошла в атаку, вычитывая остолбеневшим девицам, откуда взялся крест, почему апостолы держали пост и зачем нужна святая вода. Только и слышалось:

– Глава такая, стих такой-то...

Иеговистки замялись.

– В этом контексте у нас на собраниях эти строки не рассматривались. Дайте срок, мы уточним.

И тут же сделали ход конем:

– А у вас негодные священники, которые нарушают заповеди! – И посыпались карточью какие-то факты с перечнем фамилий: тот пьяным служит, а этот за крещение деньги вымогает.

Варвара попыталась в противовес перечислить деяния хороших священников, но добилась лишь снисходительного:

– Да, есть и у вас приличные люди. Но их очень мало. – И добились ее оглушающим залпом: – Вот, посмотрите, что творится. Сколько курящих вокруг. Хотя по статистике Грузия входит в десятку самых верующих стран мира. А мы, свидетели Иеговы, не курим. Если на факте поймает, тут же изгоняем. И аборт, кстати, не делаем.

В итоге пришлось Варваре сменить разговор на более нейтральную тему. А про себя вздохнуть: против фактов не попрешь.

Вот бы кто в церкви занялся делом – устроил что-то типа тренингов, как на такие вопросы отвечать. А прихожанам хорошо бы прочитать Закон Божий, почаще обращаться к святоотеческой литературе и советоваться с духовником. Тогда и вопросы такие возникать не будут, и ответы на них (если нужно) всегда под рукой окажутся.

¹⁴ *Варжанский, Николай, мч.* Доброе исповедание. Православный противосектантский катехизис. М.: Благовест, 1998.

Часть вторая Из цикла «Современные были»

На Дезертирке

Дезертирский базар¹⁵ ярко освещен солнцем. Недалеко от входа на тротуаре возле небольшой мусорной кучи сидят с огромными красными тазами две азербайджанки, торгуют зеленью.

Одеты они типично: цветастые широкие турецкие кофты, длинные темные юбки, тапочки на босу ногу. На головах накручены всевозможными узлами платки. Выражение лиц такое же, как у всех людей, долгое время занятых крестьянским трудом независимо от того, где они живут: в сибирской деревне или в ауле под Кандагаром. Обе попеременно вяло выкрикивают на русском:

– Эй, иди, киндза, петрушка, рехан. Пара – пятнадцать! Куда идешь? За десять отдам...

К одной из них подходит немолодая женщина, одетая с претензией на вкус, и начинает долго торговаться.

Через пятнадцать минут, скупив почти задаром огромный мешок зелени, она уже собирается уходить, но вдруг, заметив на скамейке две-три шоколадные конфеты, только что приготовленные для чаепития, незаметно сует одну в карман.

Одна из азербайджанок что-то тихо говорит другой. Пострадавшая скользит ленивым взглядом по вороватой клиентке, смеется во весь рот, полный золотых зубов, и миролюбиво машет рукой:

– Ва-ай, Аллах...

Покупательница, ничего не заметив, вперевалку идет дальше. Торговки, поджав толстые ноги, садятся пить чай из пластмассовых стаканчиков, что-то весело обсуждая между собой.

...Даруй мне, Господи, их незлобие.

¹⁵ Базар в Тбилиси.

Сололакская Маро

Десять часов утра. Маршрутка лавирует по узким улицам Мтацминда, затем стремительно спускается вниз, к Сололаки. Пассажиры, трясясь, подпрыгивают на ухабах и рытвинах и вынужденно наслаждаются мелодичностью грузинской эстрады из авторадио. Кто-то, перебивая музыку, выясняет отношения по мобильнику, не стесняясь ненормативной лексики.

Через окно, крест-накрест заклеенное скотчем, видно, что маршрутка поравнялась с инвалидкой, вооруженной двумя костылями, которая восседала на стуле прямо на проезжей части.

Шофер резко тормозит, протягивает в открытую форточку горсть мелочи и весело кричит:

– Как поживаешь, тетя Маро?

В уличном шуме ответа не слышно, но видно, что просительница одаривает подателя беззубой улыбкой и, на секунду выпустив костыли, приветственно машет рукой.

Маршрутка тут же срывается с места. Через заднее стекло видно, что следующая машина так же тормозит у импровизированной таможни.

– Кто это? – спрашивает один из пассажиров, повернувшись назад.

– Сололакская Маро! – с оттенком уважения отвечает водила. – Уже два года здесь сидит. Даже менты ее не трогают. Нельзя... Все маршруточники ей при проезде подают. Знают: весь день будет барака¹⁶... У нее никого нет. Ноги почти не действуют, вот и сидит здесь целый день. Вечером соседи приходят, забирают домой...

– Что ты говоришь! – изумляется парень. – Ах, зачем раньше не сказал. Я бы тоже подал. На важное дело еду. Может, и мне бы помогло...

Шофер, пожав могучими плечами, прибавляет звук магнитофона. Маршрутка тем временем летит к мосту Бараташвили...

...Как известно из жития Ксении Петербургской, ямщики зазывали ее утром прокатиться в своем экипаже. Каждый из них знал, что такой утренний вояж гарантировал удачный день. Может, в этом популярность Сололакской Маро?

¹⁶ Достаток, прибыль (груз.).

Необъяснимо, но факт

Первое волнующее повествование о подвигах Кати, прихожанки моего родного храма в Тбилиси, куда хожу много лет, я услышала от неперковой подруги.

– Что творится в этой Александро-Невской! – захлебывалась от возмущения Римма на том конце провода. Она привыкла высказывать свои претензии к церкви в основном мне как ее представителю. Особенно доставалось неизвестным пьяным священникам на джипах, которые, по Римминым словам, попадались ей в день по пять штук подряд. Я же напрасно и тупо пыталась ей объяснить одну истину: каждый видит то, что хочет увидеть. Перебивать ее в такой ситуации не имело никакого смысла. Надо было слушать до конца.

– Это кого там держат, а? – не умолкала трубка, накаляясь от эмоций. – Да будь моя воля, я бы их всех в психушку отправила!

Попыхтев таким образом минут пять и сбросив весь запал справедливого гнева, Римма наконец-то перешла к самой что ни на есть возмутительной сути инцидента:

– Пошла, значит, Дина – ну, ты ее знаешь, моя одноклассница, вечно глаза подводит жирными стрелками, – в Александро-Невскую по важному делу. Понимаешь, залетела она совсем некстати. Тут бойфренд безработный, она сама в няньках кое-как перебивается, плюс почки плохо работают. Куда ей рожать в сорок лет! Итак, нацепила она юбку, косынку ради такого случая, чтоб эти мерзкие бабки не цеплялись, и прямым ходом к иконе Николая Чудотворца. И стала, в общем, просить, чтоб выкидыш получился. Где ей взять денег на аборт... Побубнила свое, свечку зажгла и вышла из церкви. Все так чинно, культурно. Вдруг на выходе кидается на нее одна озверелая бабка, начинает ее лупить и кричать на всю улицу: «Ах ты, скотина! Чего просить вздумала у Николая Чудотворца!»

А сама из себя страшная, как моя жизнь при лунном свете. Видно, давно бомжует.

Крик, шум. Дина от нее отбивается, как может, и вопит: «Помогите! Патруль вызывайте!»

Словом, кино и немцы. Еле Дина отвязалась от этой чокнутой...

– Нет, ты ответь мне, что за состав в этой церкви? – в голосе у Риммы послышалось непритворное возмущение и жажда возмездия. – Это... это... – Она запнулась, подыскивая точную формулировку. – Это представляет опасность для общества!

Я робко высказала предположение:

– Может, это Катя была?

– А это еще кто? – последовал настороженный вопрос.

Вместо ответа перед глазами тут же возникла картина... Пожилая, замотанная разноцветными шальями женщина с простоватым обветренным лицом поучала молодую мамашу с ребенком у входа в церковь:

– Первое дело – всегда записки о здравии подавай. И за упокой, конечно. На том свете сродникам твоим радость будет...

По мере объяснения она все больше и больше оживлялась. Потом выудила из глубин складок огрызок карандаша и стала выводить на бумажке что-то «мичуринскими» буквами, комментируя:

– Самое главное, сперва крест животворящий нарисуй. – И на бумаге появился жирный восьмиконечник.

Ее слушательница внимала науке писания записок, боясь пропустить хоть одно слово.

«Сразу видно, новичок, – дедуктировала я, разглядывая парочку исподтишка. – А эта и рада свободным ушам. Все-таки какая катастрофа эти всех поучающие бабки-всезнайки!»

Катя тут же сменила тему лекции:

– В церковь разные люди ходят. От некоторых подальше надо быть. Страшные вещи могут сделать. Колдовство, например...

«Сейчас начнется кошмар на улице Вязов», – подумала я и поспешила отойти.

Тем не менее рассказ Риммы сложился в некий образ. Да, есть при Александро-Невском храме какая-то легендарная личность. Одевается не по сезону, ведет себя более чем странно, «чудесит».

Однажды я видела, как один священник с Катей советовался, спрашивал, как ему поступить. Тема разговора со стороны не ясна, но видно было, как уважительно он слушал ее ответ. Вообще была та еще сцена! Жара, в тени тридцать пять градусов. Батюшка пот вытирает то и дело, а рядом Катя стоит в двух пальто, еще и теплым платком перевязанная, будто ее только что с Полярного круга к нам закинули, а назад возвращать не думают.

Потом из любопытства я все же поинтересовалась у прихожан, что за птица эта Катя?

Люди говорили разное.

– У одной женщины болела рука, не разгибалась, – рассказала Лика, медсестра в прошлом, сиделка в настоящем. – Она стояла перед иконой и молилась. Катя подошла сзади да как-то стукнет по больной руке: «Зачем ты столько молишься?» И пошла себе дальше. На другой день рука прошла сама собой.

– Болящий человек, что тут сказать, – подхватила вторая. – Как по мне, так не может блаженный человек материться. Особенно когда идет служба.

– Катюша – большая умничка, много чего знает, – вступила в разговор третья. – А еще она мне два раза предсказала, что будет со мной. Она неразговорчивая, подходит только к тем, кто ей нравится или надо кому-то что-то сказать. Я год не могла забеременеть. Очень переживала по этому поводу. Как-то она подошла ко мне и руками будто ребенка качает. Я ее спрашиваю: «Катюш, что ты делаешь?» Она смотрит и говорит, мне на живот показывая: «Вот там у тебя девочка!» И правда, через восемь с половиной месяцев у меня дочка родилась. А в остальном – иногда поздороваешь, а иногда может пройти мимо и сделать вид, что не знает. Берет денежку, но не от всех, говорит, грязные деньги. Это то, что я знаю. Хожу в эту церковь уже двадцать семь лет, а она ко мне всего два раза подошла. Второй-то раз неожиданно так появилась рядом и спрашивает: «Откуда это все?» – показывая вверх. И учтите, ей нельзя задавать вопросы: она не любит, когда к ней пристают, сама подходит.

– Один парень раньше торговал цветами, и он рассказывал, что у Кати была дочка. Что-то с ней случилось, – вновь подключилась к разговору Лика. – Парень сейчас в монастырь ушел. Она не любит, когда на маленького ребенка «шумят», ругают его. Сама тогда кричит и ругается.

Иногда просит деньги, покупает что-то модное, несколько часов поносит и отдает сидящим около ворот церкви нищим. Может и ударить, если под горячую руку к ней попадете. Сама может дать денежку, угостить.

– Она очень любила моих детей, когда они были маленькими. Часто давала им деньги, – продолжала рассказ медсестра. – Именно в тот момент, когда они были нужны. Один раз, лет восемь тому назад, у меня зимой отключили свет. Часть денег я внесла, но не хватало сорок лари. Именно в этот день она дала моему сыну ровно сорок лари. Или как-то газа не было у меня, и она опять дала десять лари – как раз столько, чтоб баллон заправить. Когда ситуация у меня выправилась, она и деньги перестала давать. А до этого бегала за моими детьми и монетки им совала в карманы. Я ей очень благодарна, хотя она меня не любит, все время ругает и кидается на меня. Не знаю, блаженная она или юродивая, но после смерти отца Виталия она в этой церкви живет.

И еще я помню такой случай – хотите верить, хотите нет. Однажды, в Чистый четверг, когда читали Евангелие, я с детьми была целый день в церкви. Начал собираться дождь. Катя стояла, смотрела на небо и пальцем крутила так, будто лассо закидывала, разгоняла тучи. Может быть, совпадение, но по всему городу в тот день был страшный ливень, а мы спокойно добрались до дома.

– Я брала Катю к себе домой ночевать, – подключилась к нашему разговору еще одна женщина. – Она очень своеобразная. Каждую ночь в три часа она вставала и начинала читать Псалтирь. Моя дочка спала рядом, и ей это мешало. Как-то она подумала: «Дать бы тебе по голове этой книжкой!» И подумала на грузинском языке! А Катя ей по-русски отвечает: «Это не мне, а тебе по голове книгой надо дать!» У Кати нет авторитетов. При случае может и священников обругать...

Я Катю знаю давно, так как живу рядом. Она ищет свою дочь – не знаю, где потерянную. Может постучать в дверь, и долго стучать. Если откроешь, будет ругаться: «Впусти, там моя дочь». Очень агрессивно может наорать, плюнуть и так далее. Но что странно: сама она чисто-плотная, ходит в баню. Молочко сама себе покупает, в магазин специально для нее привозят то, которое она любит. Честно сказать, я ее не люблю, так как пугала она меня не раз.

– Жаль ее, больной человек, – возразила стоявшая поблизости прихожанка. – Вот вы тут чудеса о ней складываете, а я ничего подобного за ней не наблюдала. Она мне ребенка однажды так напугала, что он еще на подходе к церкви начинал плакать и отказывался входить. А еще я была свидетелем, как сочинялись ее предсказания и пророчества. Однажды она скандал устроила или приступ у нее был, не знаю, но она кричала всем и вся в церкви: «Все сдохнете, все сдохнете!» И через несколько дней в этой церкви умирает батюшка. И что я потом слышу? Якобы Катя во время литургии предсказала ему точный день и час смерти. Хотят люди верить в чудеса, что тут поделаешь... Еще учтите, что в магазине продукты она покупает без всяких фокусов, деньги считает. Так что Катю блаженной я бы не назвала... Больную и экзальтированную женщину считать блаженной... Ну и ну!

Воспоминания собеседниц незаметно повернули в другую сторону:

– Маму мою как-то по голове стукнула. А потом священник, узнав об инциденте, успокоил: «Значит, было за что!» А так видела недавно, как рабочие в церкви ремонт делали и как она их матом крыла...

И все же совсем недавно нашла я очередное свидетельство. Прочитала в интернете:

«Хочу поведать историю, которая случилась со мной несколько лет назад. Я тогда еще работал в море, и для смены экипажа мне приходилось много летать на самолетах. Часто я вылетал из Тбилисского аэропорта, так было и в тот раз. Мать меня проводила до стойки регистрации и, подождав, когда я пойду на посадку, отправилась в храм святого Александра Невского в Тбилиси, чтобы помолиться обо мне и вернуться в наш родной Батуми.

В этой известной церкви есть прозорливая юродивая Екатерина. Когда моя мать зашла в храм, матушка Екатерина (говорят, она схимонахиня) подбежала к ней и стала причитать

и ужасаться, сказала о том, что со мной должно что-то случиться. Потом стала юродствовать и убежала.

Мать, ошеломленная и в слезах, зашла в церковь, где у Смоленской иконы Богородицы молился архимандрит Антоний (Гулиашвили). Именно у этой иконы старец Виталий заповедал всем молиться и говорил, что она чудотворная. Рыдающая мать подошла к батюшке и рассказала о произошедшем, тот сразу начал служить молебен и горячо молиться обо мне.

Я же тем временем долетел из Тбилиси в Цюрих и сел в следующий самолет, чтобы лететь в Южную Америку. Самолет уже начал разгоняться, и тут у одного из пассажиров случился эпилептический припадок. Воздушное судно остановили. Пока больному оказывали первую помощь и эвакуировали из самолета, прошло минут сорок.

Лайнер стал разгоняться снова и почти уже оторвался от земли, как вдруг заглохли двигатели и погас свет!

Капитан объявил пассажирам, что случилась серьезная поломка в электрической части самолета. Мы вылетели примерно через час-полтора, и, как выяснилось потом, если бы не припадок пассажира, то поломка произошла бы уже в воздухе. Так бедный эпилептик, сам того не подозревая, спас всех от гибели.

Когда я через несколько месяцев вернулся домой и рассказал матери об истории с самолетом, она вдруг стала плакать и поведала свою историю с юродивой.

Самое поразительное: мы с матерью сравнили время этих событий – молебен обо мне служили именно тогда, когда я был в том злосчастном самолете...»

И подпись: Роман К.

Вот такие истории. Разное говорят люди. А для Катерины что хула, что хвала – все едино. Она просто живет себе среди нас...

Обет

Он прошел мимо меня на базаре. В глаза бросились босые ноги внушительного размера, а потом уже выцветшее черное одеяние и деревянный крест в руке.

«Ох, уже эти фанатики! – мелькнула мысль. – Не знают, как к себе внимание привлечь. Одна авторучки на груди носит, как газыри¹⁷ (была такая личность, ходила собирала милостыню в метро в девяностых годах и вещала про надвигающееся царство антихриста), другой – с огромным крестом, в белых сапогах летом, а этот – босиком. Уж ботинки достать – точно не проблема. Вон, цыгане стоят, умоляют кеды по десять лар купить».

Пронеслось так и забылось.

Через несколько дней наткнулась в фейсбуке на фото того самого босоногого прохожего, а под ним очень теплые комментарии и маленькая заметка:

«Восемнадцать лет назад сын этого человека тяжело заболел. Отец водил его по врачам, пытался лечить разными народными средствами, но здоровье больного не улучшалось. В конце концов несчастный дал обет: “Господи, если сын поправится, я всю оставшуюся жизнь буду ходить босиком”.

Господь услышал его, и мальчик выздоровел.

Вот уже восемнадцать лет этот человек ходит босиком в жару и холод. Зовут его отец Глаха.

Позже выяснится, что мать Глахи, Лизико-бебо, пятимесячным младенцем принесла его в церковь и воскликнула:

– Вот сын, которого Ты подарил мне, а я дарю его Тебе. Пусть всегда будет Твоим верным молитвенником и чтоб я дожила и увидела его седобородым.

С детства Глаха говорил о Боге. Дети в школе и родственники смеялись над ним: «Покажи нам твоего Бога!» Но он не обращал внимания на насмешки. Сделал дома святой угол, поставил там иконы и спал на доске, подкладывая под голову кирпич вместо подушки.

Сам отец Глаха так вспоминает свое посвящение:

– Я ходил в храм Светицховели¹⁸, познакомился с настоятелем. Там же стал алтарником. В Рустави епископ Тадеоз благословил меня сделать в здании бывшего детсада часовню. Там меня и посветили в священники. До того я молился: «Сделай, Господи, как Ты хочешь. Если

¹⁷ Патроны для кремневых ружей, вставленные в специальные карманчики (газырницы) на груди черкески.

¹⁸ Кафедральный собор в Мцхете.

угодно Тебе, чтоб я стал священником, пусть это произойдет где-нибудь в маленькой часовне, а не в большом храме». Так и случилось.

Предчувствую, что у читателей возникнет много вопросов. Ходить босиком в наше время... Да и люди много чего болтают. Но время все расставит по своим местам и разъяснит все недоумения. А я скажу просто: человек, который так точно стремится выполнить свой обет, заслуживает восхищения.

Попытка простить

Сверху, из квартиры на пятом этаже, были слышны шаги – топ, топ, топ. Лексо поднял бритую голову и прислушался. Нет, точно не послышалось – наверху кто-то ходил. Судя по тяжести шагов, мужчина.

Уже лет пять или даже больше эта квартира была заперта. Старики, жившие там, умерли один за другим, а сын-наследник сгинул где-то в России.

Лексо подсел к телефону. Набрал номер соседки Этери, чтобы задать интересующий его вопрос. Потом добрые полчаса вслушивался в журчащий из трубки ручеек информации, лишь иногда успевая вставлять реплики:

– Не может быть...

– Смотри, какое дело!

– Совсем совесть потерял...

Потом Лексо повесил трубку и позвал жену Ию, копошившуюся на кухне:

– Ия! Я все выяснил! Резо вернулся!

– Какой Резо? – последовал равнодушный ответ. Ия недавно пришла с работы, и все ее мысли были заняты приготовлением ужина на скорую руку.

– Этот негодяй – наш сосед, который тридцать лет как удрал в Россию и даже на похороны родителей не соизволил приехать!

Лексо стал с жаром перечислять весь послужной список негодного Резо, которого никто уже толком и не помнил:

– Помнишь, хоронили стариков какие-то дальние родственники? Я еще гроб помогал нести. Келех¹⁹ на двадцать человек был хуже некуда, будто бомжей хоронили, а не уважаемых коренных тбилисцев. Да еще в какой-то пещере. Даже приличный зал не смогли снять. Вот забыл я, что на столе тогда было...

Лексо попытался вспомнить, но так и не извлек из закромов памяти меню пятилетней давности. И снова вернулся к текущему моменту:

– Наверняка этот мерзавец даже деньги на похороны не прислал. Так и хочется плюнуть ему в глаза!

Из кухни донесся полустон:

– Оооо!

Лексо воспринял это как знак одобрения и продолжил обличительную речь:

– Слышишь, Ия! И сейчас этот нечеловек ходит по квартире и, наверное, смотрит, что ценного осталось от родителей.

– Чу! – Лексо напряг слух. – Ия, там и женский голос слышен. Явно уже какую-то девушку вызвал. Тьфу, я его душу мотал! – И громко крикнул уже в поисках поддержки: – Ия, подай голос, я что, со стенкой разговариваю?!

– И ты, и твой Резо! Все вы одинаковые! – взорвалась молчаливая слушательница. – Лучше бы научился яичницу себе жарить. Пятнадцать лет дома сидишь, как наблюдатель из ООН, а толку от тебя нет. Еще думаешь о каком-то Резо!

Лексо помчался на кухню доказывать, кто в доме хозяин. Грамотно начатый скандал развивался по нарастающей...

Этажом выше тот самый склоняемый по падежам Резо медленно расхаживал по квартире, время от времени давая указания уборщице, приглашенной из агентства.

Вся эта кутерьма с ведрами и тряпками раздражала его невероятно, но пыль и паутина угнетали Резо еще больше, так как делали квартиру похожей на склеп.

¹⁹ Поминки (груз.).

Странно как-то. Он, Резо, приехал сюда умирать, а инстинктивно хочет избежать мыслей о смерти.

С этим домом связано много хорошего и столько же отвратительного, о чем сейчас не хотелось вспоминать. Прошрое и по прошествии стольких лет не отпускает его, даже во сне.

...В восемнадцать лет Резо влюбился. Сильно, на всю катушку. И было бы в кого. Так, в гадкого утенка, в Тамро – продавщицу из кафе, что недалеко от института. Заходили они туда с ребятами между лекциями. Болтали, закусывали...

Тамро была самой обыкновенной простушкой из Велисцихе²⁰. Она приехала поступать и срезалась на первом же экзамене. В деревню не вернулась, а осела у какой-то четвероюродной тетки. Потом пристроилась в кафе продавать хачапури, иногда подменяя посудомойку. Резо зачастил в кафе по делу и без него, лишь бы почесать язык со своей симпатией. Дальше все пошло по известному сценарию.

Тамро объявила о своей беременности, и Резо вне себя от счастья помчался вводить родителей в курс дела. Но дома его не поняли.

– Разве сейчас время жениться! – кричала мать. – И было бы на ком! На какой-то деревенской босячке, которая спит и видит влезть в наш дом.

– Где гарантия, что она беременна от тебя? – выходил из себя отец. – Была бы она порядочная, тебя бы до свадьбы к себе не подпустила.

– Учти: распишешься – о нас забудь! – давила мать.

Резо пытался сопротивляться, кричал, размахивал руками, обещал даже повеситься, но все было напрасно. А еще втайне от Резо родители пошли проведать обольстительницу. Что уж они там ей наболтали, так и осталось тайной, но по возвращении выложили перед сыном листок с каракулями:

– Меня не ищи. Я сделала аборт.

Резо помчался к той самой тетке в новостройки, но ему даже дверь не открыли, пожелали проваливать туда, откуда не возвращаются.

Неделю Резо ходил сам не свой. Потом молча собрал вещи и, бросив на выходе родителям: «Больше вы меня не увидите», – уехал в Москву.

Слово свое он сдержал. Ни к отцу, ни к матери не приехал даже на похороны.

После нескольких лет мытарств ему все же удалось собрать какие-то деньги и всеми правдами и неправдами понемногу начать другую жизнь. Женился на местной, чтобы забыть Тамро. Но что-то не сложилось. Женился в другой раз. Вроде бы все ничего, но детей не было, и как-то само собой расплозлось по швам семейное счастье. А в сорок пять лет ни с того ни с сего шархнул инфаркт. Врач не скрывал удивления:

– Где вы так сердце посадили? Вроде жизнь без стрессов, и на вредном производстве никогда не работали...

Ничего вразумительного ответить на этот вопрос Резо не мог. Двадцать семь лет он прожил под гнетом жгучей обиды на родителей. Он винил их и в своих неудачных браках, и в той жизни, которую выпало прожить.

Пока восстанавливался после инфаркта, многое передумал. Профессор предупредил Резо, что второй инфаркт он может и не пережить.

Перспектива умирать на чужбине представлялась совсем безрадостной. Неудержимо потянуло домой, захотелось дойти до родительских могил. Попытаться простить мать с отцом. Несмотря ни на что.

Резо продал свое заведение с шаурмой и прилетел в Тбилиси. С помощью родственников дошел-таки до Мухатгвердского кладбища. Вместе постояли у могил, выпили красного вина и поехали домой.

²⁰ Село в Кахетии, неподалеку от Гурджаани.

Дома слегка отпустило. Там, на кладбище, стало ясно – надо было раньше простить их, вернуться домой, застать живыми. Может, по-другому и жизнь сложилась бы.

Пустой дом не радовал, и Резо решил сходить туда, где когда-то жила Тамро. Он, конечно же, понимал, что, скорее всего, это будет бессмысленно. Наверное, там теперь живут другие люди. Половина Тбилиси продала квартиры за это смутное двадцатилетие. Но что-то же надо было делать...

Тот дом он нашел без труда. Хотя вокруг все здания были похожи друг на друга, как яблоки в одном ящике. Делая передышки, поднялся на седьмой этаж (не привыкший к тбилисским реалиям, Резо обнаружил в лифте какую-то чугунную коробку, куда надо было класть пять тетри, но пока разобрался с хитрым устройством, дверцы нагло захлопнулись. Решил не рисковать и пошел своим ходом). Нерешительно позвонил в свежеекрашенную дверь.

– Кто там?

– Здравствуйте. Тут лет тридцать назад жила Тамро из Велисцихе.

– Вы в курсе, что это Тбилиси?

– Я знаю.

– И здесь не справочное бюро! – Невидимый хозяин апартаментов тут же поставил ему диагноз, сказав кому-то рядом: – Какой-то кахетинский ишак с утра пораньше.

– Откройте, пожалуйста, – попросил Резо, но только еще больше разозлил невидимку своей просьбой:

– Давай мотай отсюда! Сейчас патруль вызову.

Пришлось уйти.

Резо сидел во дворе, не в силах подняться. Бесцельно смотрел на детскую возню вокруг качелей. Рядом приземлились два парня и как по команде достали айфоны. Потек непринужденный диалог с характерными междометиями:

– Вау, как вчера время провели... – делился первый, демонстрируя фотоотчет с места событий.

Второй в тон ему жаловался на тяжелую голову.

Резо подсел к ребятам в надежде вытянуть из них хоть что-то про Тамро:

– Вы здесь живете?

– Здесь.

– Наш закуток, – вразнобой ответили парни.

Боковым зрением Резо вдруг заметил на экране телефона среди других ребят молодую девушку, поразительно похожую на его Тамро:

– Кто это? – спросил он, хотя было ясно и так, что Тамро должна была постареть за столько лет.

– Это Анано – жена нашего друга. Когда-то жила здесь. Мы вместе росли. Теперь у них уже двое детей.

Резо засыпал парней вопросами, в ответ на которые получил обрывочные сведения:

– Росла без отца. Мать Тамара... Очень нуждались... Теперь у них всё хорошо.

... Читатель избавит меня от описания развязки. Если бы еще недавно Резо сказали, что где-то на земле растут его внуки, он воспринял бы это как злую шутку. Но иногда бывает и так: чем раньше переоцениваешь старые обиды, тем легче находишь то, чего даже и не искал.

Молитва по соглашению экспромтом

В одной из социальных сетей, фейсбуке, есть некоторый закрытый женский форум. Темы для обсуждения предлагаются любые, начиная от моды до здоровья детей, анекдотов, семейных проблем – словом, допускается все, что угодно, кроме политики, религии и взаимных оскорблений.

Так вот, как-то там и появилась душераздирающая публикация примерно такого содержания.

«Девочки, что делать??? Только что получила сообщение из Еревана: моя племянница Анаит при смерти. Врачи сказали, что сердце работает на пять процентов и девочка не доживет до утра».

Четыре тысячи женщин разного возраста и разных вероисповеданий мгновенно разразились комментариями:

«Господи, помоги!»

«Какой у нее диагноз?»

«Господи, сделай так, чтобы ребенок жил».

«Как ее имя в крещении?»

«Я плачу!»

Тетя едва успевала отвечать:

«Дилатационная кардиомиопатия²¹... В крещении Мариам. До приступа она услышала, как врач обсуждала с мамой ее диагноз, и потом задала матери вопрос: “Мама, я умру?” Мама была в шоке и сказала: “Нет, дорогая, ты будешь жить сто лет!” На что Мариам ответила: “Я знаю, кто меня спасет, – мой Иисус!” Сейчас у нее приступ, она в полусознании».

Были и сугубо православные пожелания и предложения:

«Давайте встретимся завтра утром, я передам вам бутылочку освященного масла от отца Гавриила (Ургебадзе)».

«Срочно закажите сорокоуст, если девочка крещеная!»

По-видимому, молились и плакали многие. Получилась молитва по соглашению, вот так – экспромтом.

Рано утром, когда обычные люди еще спят, на страничке тетушки больной девочки появилась настойчивая просьба: «Сообщите, пожалуйста, как девочка!»

И вскоре уже почти отчаявшаяся тетя поделилась радостной вестью:

«Доброе утро, дорогие мои!! Простите за долгое молчание о здоровье нашей девочки! Долго не было ничего, чем я бы могла вас обрадовать! Но сейчас позвонили и сказали, что у сердечка заработала внутренняя стенка, которая НИКОГДА НЕ РАБОТАЛА!! ГОСПОДИ, СПАСИБО ТЕБЕ! СПАСИБО ВАМ ВСЕМ, КТО ПОДДЕРЖИВАЛ МЕНЯ И МОЛИЛСЯ. СПАСИБО ЗА ВСЕ-Е-Е! ДАЙ БОГ ВАМ И ВСЕМ ВАШИМ БЛИЗКИМ ЗДОРОВЬЯ, РАДОСТИ, СЧАСТЬЯ! Сижу и плачу...»

В ленте тут же всплыли восторженные послания, смайлики, цветы – ну, женщины – существа эмоциональные, понятное дело.

Через какое-то время появились и подробности:

«Врачи не могут понять, в чем дело. Сама Мариам сказала, что ей приснился Иисус Христос, взял ее за руку и отвел домой. Врачи говорят, что сердце работает уже на тридцать процентов. Перелет в другую страну пока невозможен. А так ей понадобится пересадка сердца».

Прошло какое-то время, и от Мариам, точнее от ее тети, стали поступать короткие сводки:

²¹ Патология миокарда с растяжением камер сердца. Опасна внезапной смертью.

«Она пока в больнице. Мы собираем деньги на операцию. Это огромная сумма. Ее готовят к выписке, у нее сердце работает всего на двадцать пять процентов, когда должно для ее возраста работать на шестьдесят».

Администраторы форума решили провести благотворительный базар, в результате которого собрали несколько тысяч долларов.

Да, этого было недостаточно, но в таком деле главное – равнодушие.

Вскоре на форуме появилось сообщение:

«Добрый день, дорогие девочки! С радостью хочу сообщить вам, что наша Анаит уже в Европе, во Франции, и если еще конкретнее, то в г. Лионе! Опережая ваши вопросы о том, что они ведь ехали в Германию, хочу рассказать вам предысторию, почему так получилось. В Армении в марте был снят видеоролик, где мама Анаит рассказала о болезни и попросила помощи, после чего за один день было собрано до двух тысяч евро. Но кроме денег было очень много звонков на мобильный матери Анаит со всех концов мира: из Америки, Бельгии, России и т. д. В Армении многие звонили и поддерживали родителей, желали Анаит скорейшего выздоровления. Запомнились звонки из Америки – женщина звонила почти каждый день и справлялась, как наша девочка, потом позвонил парень из Бельгии: “У меня недавно родилась девочка, зовут ее Анаит. Прошу вас, приезжайте в Бельгию, я все сделаю для нее”. И из Франции позвонила девушка, сказала, что уже долгое время живет во Франции, юрист и переводчик, и – “если вы приедете во Францию, я вас заберу к себе, в Лион, и всем помогу”. Конечно, семья была воодушевлена таким отношением к Анаит. Я сама была просто счастлива от мысли, сколько замечательных людей живет на планете. Но все же мама Анаит всем отвечала, что везет дочку в Германию: по-другому они и не думали. Девушка, Стелла (так зовут нашу спасительницу), ежедневно звонила и справлялась об Анаит, и каждый день она твердила, что заберет ее в Лион. И вот в день прилета в Париж Стелла (оказывается, ангелы живут на Земле) встретила их. Стелла объяснила, что в Лионе ребенку сделают все то же самое, что и в Мюнстере. Для чего везти ребенка за шестьсот километров, если через два часа они будут уже в Лионе?»

Мама Анаит позвонила врачу в Армению, чтобы проконсультироваться. Выслушав ее, врач тоже согласилась со Стеллой – решение было принято в пользу Лиона! Сейчас ребенок проходит наблюдение в клинике, где проводят обследование всего организма. Даже лекарства, которые принимала Анаит, отдали на исследование и назначили ей свои препараты. После всех обследований, анализов будет созван консилиум кардиохирургов, который примет решение: нужна ли пересадка или можно будет другим методом помочь нашей девочке. Молим Господа, чтобы пересадка была не нужна.

И позвольте мне, девочки, родные мои, сказать вам Огромное Человеческое Спасибо за оказанную материальную помощь. Это показало, что наша беда не оставила вас равнодушными. Спасибо, что вы есть, что не прошли мимо, что подарили надежду семье Анаит и мне, ее тете. Дай БОГ Вам и вашим деткам здоровья и счастья на долгие лета!»

Что тут добавить?

Человеку необходимо знать, что он не один, что его беде сочувствуют, молятся за него, а дальше – на все воля Божия.

Четки монахини Анфусы

Дед родился и умер в те же годы, когда родился и умер Михаил Шолохов. Ничего общего между ними не было, только эпоха и похожее социальное положение в начале жизненного пути.

Дед умирал медленно, и на все мои оптимистические прогнозы вроде: «Ты еще сто лет проживешь», реагировал спокойно:

– Я уже свое отходил.

Даже на одре болезни он постоянно что-то читал. У кровати лежал самоучитель японского.

– Зачем тебе это? Ты и так знаешь кучу языков, – спрашивала я. – Английский, латынь, греческий, грузинский...

– Когда человек не занимает свои мозги, он деградирует.

Временами его тянуло на разговоры, и он рассказывал разное. Благо, вспомнить было что. Например, о том, как родители, спасаясь от голода, пятилетним ребенком привезли его с Волги в Грузию. Удивительно, что больше он никогда на Волге не был, а рассказывать о той жизни мог бесконечно. Сказки, песни (особенно запомнилось «Ночью нас никто не встретит...»), подробности быта... Многое давно стерлось из памяти, но кое-что все же запомнилось. Что-то в его рассказах казалось мне нелогичным, но дед настаивал, что именно так все и было.

– Родителей моих сосватали, как и всех деревенских в то время. Первый раз они увидели друг друга на смотринах и понравились друг другу, а второй раз на венчании.

– Ужас какой-то, – возмущалась я, – как можно было соглашаться!

– И нормально прожили всю жизнь. Нас четверых родили. Раньше никто не разводился.

В рассказах об учебе в гимназии было много интересных подробностей – так сказать, штрихов эпохи:

– Отец мой, Иван Иванович, был полный георгиевский кавалер. Четыре креста получил за храбрость. Поэтому мы, его дети, в гимназии учились бесплатно. Он вернулся с Первой мировой без единой царапинки. Участвовал в Брусиловском прорыве, бывал в таких мясорубках, где из полка оставался он один. Причем до ухода на фронт особо верующим не был. Так, веровал, как все в то время... Когда стал рассказывать дома о явных чудесах, которые видел на войне, маменька, Александра Ионовна, распорол его гимнастерку и показала ему зашитый туда девятый псалом – «Живый в помощи Вышняго...» После этого мой отец не пропускал ни одной службы. Впереди ставил меня с братом. Попробуй шелохнись – убьет...

Из школьного учебника истории мои представления о жизни до революции были такие: детский труд на фабриках, голодающий рабочий класс, который только и делал, что боролся с проклятым самодержавием за свои права, а мерзкие капиталисты топили в крови недовольство народных масс и запивали все это шампанским. Хорошо, что вовремя Ленин сделал революцию, а то сидели б мы в этом кошмаре по сей день...

– Дед, а как вы жили при царе Николае? Полный мрак, да?

– Да ну, нормально жили. Спокойно. Все было очень дешево. Корова несколько рублей стоила, хлеб, мясо – копейки. А здесь, на Кавказе, и того дешевле, полное изобилие. Вот мы были простые крестьяне. Когда сюда приехали, трех коров держали. Молока было – залейся. Мой отец служил наборщиком в типографии. Его жалованья на все хватало.

– Зачем тогда революцию устроили?

Дед морщился:

– Да глупость одна, эта революция. Хотя тоже, смотря с какой стороны поглядеть. В жизни настолько все непредсказуемо, что трудно четко отделить хорошее от плохого. Иногда то, чего ты очень хочешь, со временем оборачивается тебе во вред.

Вот помню я такой характерный случай. Бабушка твоя рассказывала. У твоего прадеда-купца было несколько братьев. Один из них серьезно занимался политикой, пытался ошастливить все человечество. Ездил в Европу, встречался с деятелями РСДРП, деньги им жертвовал и т. д. Вся семья смотрела сквозь пальцы на его увлечения. Даже финансировали ему эти поездки, лишь бы не путался под ногами и не мешал коммерции.

А остальные его братья-капиталисты, хоть и пережили разорение, нищету, ненавидели советскую власть всеми фибрами своих душ, но умерли в своих постелях от старости.

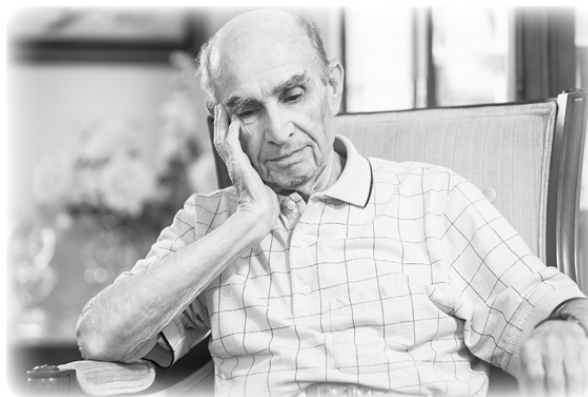
Так вот, когда Красная армия входила в город, все обыватели от греха подальше попрятались по домам, а этот чудак с цветами пошел их встречать. Крайний конник не разобрался и рубанул его шашкой насмерть. Таких случайных жертв во время любой войны бывает много.

– Ты про революцию поподробнее. Что ты еще помнишь?

– Помню, например, как в Грузии к власти пришли меньшевики. Мне было пятнадцать лет, когда сюда в двадцать первом вошла Красная армия. На Головинском проспекте через каждые сто метров стоял комиссар с красным бантом и произносил речь.

– И какой была реакция людей? Они же по «просьбе трудящихся» сюда явились.

– Не было никаких просьб трудящихся. Люди просто слушали и ждали, что принесет новая власть. Тогда самые шустрые стали в партию записываться.

Если б не этот переворот, я бы, наверное, на твоей бабушке не женился. Тебя бы точно не было.

– Дед, а как ты познакомился с бабушкой?

– Она училась в одном классе гимназии с моей младшей сестрой Ксенией. Часто бывала у нас дома. Я ее провожал по вечерам. Так и подружились. Потом мы в один институт поступили. Стал я за Оленькой ухаживать. Она с подругами на съемной квартире жила. Приехала как-то мать ее проведать и сразу меня застукала. Говорит ей по-армянски (я уже к тому времени кое-что понимал, потом во время войны в Ереване читать и писать научился):

– Этот длинный ишак что здесь крутится? Смотри, не вздумай за русского замуж выйти! Твой отец этого не переживет.

– Что ты, мама, он просто чертежи здесь забыл, – отвечает Оленька.

Ее семья тогда в Батуми жила. Они туда от турецкой резни в тысяча девятьсот пятнадцатом году бежали из Артвина. Только твой прадед на новом месте отстроился, пришли Советы и его три дома национализировали. А его семье две крохотные комнаточки оставили. Потрясение, конечно, сильное. У него большое дело было. Пшеницу во Францию продавал. Деньги мешком мерил – прибыльный ли год.

– Дед, ты шутишь!

– Ну, я сам не видел, конечно, но говорю, что мне рассказывали... Вот жизнь непредсказуемая! До своего разорения они даже на армян-женихов смотрели с большим разбором.

Я бы им ни в каком дурном сне в качестве зятя не привиделся. Но человек предполагает, а Бог располагает.

– И как же встретили друг друга не желавшие породниться стороны? – мне стало смешно, представив таких разных людей вместе.

– Представь себе, хорошо. Правда, отец Оли умер, не дожив до нашей свадьбы в тысяча девятьсот тридцатом году. Слишком много испытаний выпало на его долю. И вот твоя прабабушка Сатеник приехала из Батуми знакомиться с моими родителями. Привезла им пахлаву, которую армяне традиционно на свадьбу пекут. О, что это была за роскошь! Сорок листов, раскатанных до толщины волоса, так что через каждый слой просвечивало солнце. И все пересыпанные орехами с сахаром и изюмом. Такое испечь – особое искусство требуется²².

А тут как раз пост. Мои родители замаялись: как поступить? Нарушить или отказом обидеть сватью? Моя теща сообразила, в чем дело, и говорит на ломаном русском:

– Угощайтесь, я с такой душой пекла. Ваш грех на себя возьму.

Так и наладили они отношения. За всю жизнь не было между ними никаких трений, несмотря на различие в культурах и менталитете.

Еще учти, что твоя бабушка после всех этих гонений, турецкой резни, революции была ярая атеистка и не понимала церковности моих родителей. Считала это проявлением отсталости, но вслух не высказывала. Главное, не навязывать друг другу свое видение мира.

Потом родилось у нас трое детей. Старшего Оленька назвала в честь моего брата – Ленея, а младшим я дал армянские имена тестя и тещи. Всех троих моя маменька уже потом, после войны, тайно крестила в церкви Александра Невского, чтобы не создавать мне лишних проблем.

Я всегда сторонился политики. Если бы тогда, в двадцатые годы, сдуру вступил, то в тридцать седьмом меня бы точно расстреляли, как многих моих друзей. А если бы уцелел, то был бы сейчас старейшим коммунистом Грузии. Жизнь – сложная штука... Хотя, кто знает, может, меня по молитвам матери не тронули. Весь тридцать седьмой год я ждал ареста, даже чемоданчик с теплыми вещами стоял наготове. Забирали настолько массово, что люди обреченно ждали по ночам, когда за ними придут.

Моя мать постоянно читала Псалтирь. (Книга такая толстая. Помнишь, в сундуке лежит? Ты еще пыталась читать и ничего не поняла.) Она была полуграмотная, а по-церковнославянски читала без ошибок, фактически наизусть... Потом, когда война началась, аресты поутихли. Но все равно было очень сложно.

Как-то, в сороковые годы, когда мы жили в коммуналке, твои дяди, они тогда были школьниками, порвали в общем туалете портрет Сталина. Эти обрывки нашла соседка и устроила нам скандал:

– Вот я сообщу куда следует об этой газете!

Еле мы ее умаслили, чтоб она не стучала. Бедная твоя бабушка всю ночь не спала, пока все улеглось. Из-за такой мелочи мы могли оказаться, мягко говоря, очень далеко друг от друга.

Да, так вот... К войне мы были абсолютно не готовы. В армии на вооружении были только винтовки Мосина.

– Что это такое?

– Затвор рукой надо было передвигать после каждого выстрела. Мой отец с такой в германскую воевал. А у немцев в то время было новейшее автоматическое оружие, вот и пришлось спешно налаживать оборонные заводы. Перевели меня в Ереван на такой завод главным инженером. Я дневал и ночевал на работе. По-другому просто не выходило. Пришлось выучить армянский, чтобы общаться с рабочими. Они, в основном, были из деревень и русского не знали.

²² Настоящая пахлава готовится на масле с использованием яичных желтков.

У деда были всего две медали. Одна «За доблестный труд» и другая какая-то, с профилем Ленина. Он их никогда не носил, не хотел выделяться. Просто хранил в ящике. Всегда отмечал 9 мая, но о войне не любил рассказывать. А тут вдруг разговорился:

– Меня до сих пор мучает чувство вины. Как-то, осматривая партию снарядов, приготовленную для отправки на фронт, я обнаружил бракованный снаряд. Тут же разыскал укладчика, приказал немедленно снять с него бронь. Он так просил пожалеть его... Говорил, что это не повторится... С войны он не вернулся.

– Почему сразу – снять бронь?

– Если бы я проглядел, тот бракованный снаряд мог разорваться в пушке, и погибли бы наши. А спрос с кого? С меня как с главного. Сразу бы к стенке поставили. Тебе трудно представить это время...

Как ни обходил я стороной коммунистов, а в сорок пятом вызвали меня в партком и надавили: «Что это вы, товарищ Дмитриев, до сих пор беспартийный? Пишите заявление». Попытался я увильнуть: не достоин, мол, такой чести. Да куда там. Пришлось написать.

Церковную службу я всегда очень любил, а после этого вступления мне к церкви на пушечный выстрел нельзя было подходить.

В сорок пятом, за несколько дней до Победы, мой отец умер. Запиши себе куда-нибудь – 30 апреля. Молился и так на коленях и отошел. Все грехи свои замаливал, что вторую семью имел. Маменька моя, Александра Ионовна, вскоре постриг приняла.

– Дед, а почему твоя мама постриг приняла? Тем более, когда такие строгости были.

– Моя сестра Ксения погибла в аварии после войны. Это ее и подтолкнуло. Считала, что мы, ее дети и внуки, не живем, как надо. Решила полностью посвятить себя молитве.

Не забудь – монахиня Анфуса. В день два раза в церковь Александра Невского ходила. Дом наш в Нахаловке церкви отписала. В шестьдесят восьмом году она скончалась. Сподобил ее Господь христианской кончины. Причастилась и в тот же день умерла, ничем не болея. Ее монашеский хор отпевал: «Упокой, Господи, душу усопшаго раба Твоего...» Впечатление неизгладимое! На похоронах мои сотрудники с СКБ были, заслушались. Один, помню, спросил меня: «Сколько надо заплатить, чтобы меня так похоронили? Я бы сейчас стал деньги откладывать...» С тех пор я такого ангельского пения не слышал.

Сейчас мое время пришло, а из вас даже никто «Отче наш» наизусть не знает...

Это было главной болью деда. Но желание его все же исполнилось. Мама, несмотря на возражения родственников, привела священника, и дед отпели. Тогда, в восемьдесят третьем, это было немного рискованно, но в воздухе уже витал дух перемен...

Потом, через десять лет, придя к вере, я вспомнила рассказы деда о прабабке-монахине и, оказавшись в сложной ситуации, попросила ее о помощи. В ту же ночь увидела во сне невысокую женщину в черном с четками в руках. Смысл сказанного улетучился, а чувство утешения осталось.

– Какого цвета были четки у матушки Анфусы? – уточнила я у мамы. – Коричневого, да?

– Да, – мама несказанно удивилась. – Но ты не можешь этого знать, ты родилась после ее смерти, а четки положили ей в гроб!

Для меня это стало еще одним доказательством вечной жизни...

Старая гвардия

Мне было пятнадцать лет, когда умер дед-кормилец. Мама, оставшись со своей зарплатой инженера в сто восемьдесят рублей, решила пустить квартирантку. Подходящий вариант подвернулся очень быстро.

– У нас будет жить баба Надя, – было объявлено мне в одно историческое утро.

– А кто это?

– Наша бывшая соседка по Нахаловке²³. Ей под девяносто уже. Тоже с Волги. Как и наши, от голода в Грузию до революции переехала. Потом за грузина замуж вышла. Она нам не мешает. Бабуля – божий одуванчик. Со студенткой проблем больше будет. Разве заранее узнаешь, что за человек и кто к ней будет ходить. А тут все известно. Ходить к ней будет только сын. Надя нас не побеспокоит – будет с нами телевизор смотреть.

Идея совместного проживания с незнакомой бабкой не вызывала у меня энтузиазма. Сразу представилась унылая картина: Надя будет в день по сто раз мерить давление, читать нотации и посылать меня в аптеку за лекарствами. Нечто подобное я и озвучила. Но в ответ услышала железный контраргумент:

– Это же николаевское поколение. Нет у нее ни давления, ни мешка лекарств. Они только от старости в свое время умирают.

– А почему она у себя жить не может?

– С невесткой не уживается. Она ее консервами испорченными травит, чтоб скорей померла.

– Какой-то кошмар. И что?

– Ничего. Баба Надя молитвы читает, и отравы на нее не действует.

– И что? Это работает? – поразилась я, так как на момент описываемых событий прочно стояла на платформе воинствующего атеизма.

– Выходит, работает. Баба Надя до революции в епархиальном училище училась и всегда молится перед едой.

От последних слов веяло такой средневековой плесенью, что мой мозг отказывался это воспринимать.

– А может, это все симптомы старческого маразма – про отравление?

– Нет, это правда. Сын случайно съел, что матери предназначалось, и в больницу попал. Он же перед едой не читает молитв. Потому решил изолировать Надю. Не подаст же он в суд на свою жену. У них уже дети взрослые. Стыдно... Надя в свое время благородство проявила. Застала своего Гелу с деревенской девушкой и заставила его на ней жениться. И вот теперь расплачивается за добро. Невестка ждет – не дождется, когда Надя на тот свет отправится.

Мама быстренько договорилась с сыном квартирантки о ста рублях в месяц, куда были включены проживание и питание, и на другой неделе баба Надя переехала к нам.

Жиличкой она была золотой. Целый день сидела в кресле и вслепую вязала носки, иногда передвигалась «для разминки» по комнате туда-сюда. До и после еды она и вправду что-то шептала. Делалось это явно не с целью демонстрации, как впоследствии я наблюдала у многих верующих, а скорее по какой-то давней привычке. Для нее это было так же естественно, как мыть руки или причесываться своим ископаемым гребнем, потерявшим большинство зубцов.

Еще удивляло ее постоянное благодушие и полное отсутствие раздражительности. Очень часто она даже за малый пустяк благодарила:

– Живите долго-долго.

²³ Неофициальное название одного из районов Тбилиси.

Веру свою она не афишировала. Никогда ни словом, ни намеком не жаловалась на свою участь – жить на старости лет у чужих людей. В разговоры, ее не касающиеся, не вмешивалась. И вообще старалась быть как можно более незаметной.

Чаще всего баба Надя говорила загадочное:

– Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его.

Кто такой этот царь Давид и при чем тут его кротость, я узнала лет через десять, придя к вере. Тогда многое чуждавшее в поведении квартирантки встало на свои места.

Сын проводывал ее раз в месяц. Принесет деньги за месяц вперед, посидит с матерью, поохает на свою нелегкую жизнь большого начальника (Надя утешала его, как могла) и – домой.

Жила у нас баба Надя года два. Потом сын забрал ее домой, сообщив новость: жена его заболела психическим расстройством и повесилась.

Услышав это, баба Надя заплакала:

– Что она с собой сделала? Лучше бы я умерла! И так зажила. Но не забирает Господь...

Через пять лет мы случайно узнали, что баба Надя мирно скончалась у себя дома.

Про «наркобароншу» Таню

– ...Тебя давно не было. А я тут чуть в тюрьму не попала.

– Да вы что?!

Представить тишайшую пенсионерку тетю Таню в казематах Ортачальского изолятора²⁴ было выше моих сил.

– Да, да, нахлебалась я позора на старости лет. Еще и за что? За наркотики.

– Это как?..

Нет, положительно, она решила сегодня свести меня с ума. Проработал человек всю жизнь на одной из дальних АТС тихо-мирно, без взысканий, дожил до того светлого момента, когда родное учреждение компьютеризировали, и бац – оказался не нужен. Всех, кто не смог переквалифицироваться, выкинули на улицу. Печально, но что поделаешь. От таких стрессов женщины совковой закалки наркушами не становятся. Исключено по определению.

– Вот ты послушай, как было дело. Подходит ко мне как-то Гоча – сосед справа. И начинает так культурно, издали: «Тетя Таня, можно я у вас в конце двора цветы посажу?» – «Ну, посади, – говорю, – все равно у меня земля пустует. Уже сил нет за огородом смотреть. Только осенью инжир и виноград собираю».

Отец Гочи, Бесо, при коммунистах в столовой работал и столько денег нахапал, что после перестройки выстроил домину в три этажа. В их дворе так все налеплено, чахлый кустик посадить негде. Зато десять квартирантов пустили и деньги качают. Вся семья в потолок плюет, никто не работает.

Короче, занялся Гоча у меня на огороде ботаникой. Смотрю и удивляюсь. Тридцатилетний парень ходит ко мне через день, свои посадки поливает. Надо же, думаю, как я в нем ошиблась! Всегда его считала бездельником, а он прямо пионер-тимуровец.

Потом зашел ко мне какой-то странный тип. «Квартиру, говорит, снять хочу». А глаза так и бегают по участку. «Я не сдаю, – отвечаю. – Сама в чулане живу. Так дом после землетрясения пострадал, что внутрь зайти страшно, вот-вот обвалится».

Он мне тут же сходу другой вариант: «Я режиссер, место для съемок ищу. Позвольте все осмотреть». И пошел вглубь по тропинке.

Не понравилось мне все это.

Полазил этот очкастый туда-сюда, на цветы Гочины зыркнул. «У вас тут прямо оазис». И улыбается так нехорошо. Еле я его выпроводила.

На другой день к моим воротам две патрульные машины подкатили. Стучатся ко мне:

– Откройте, полиция с обыском!

Я так и обмерла. Заходят ко мне эти лбы в формах и под нос какую-то бумажку суют.

– Вы арестованы.

– За что? – говорю.

– За выращивание наркотических средств.

И повели меня к этим цветам показывать «вещественное доказательство».

– И давно вы, калбатано²⁵, коноплю выращиваете?

– Это, говорю, не мое. Сосед для красоты посадил.

– Едем в участок, там разберемся.

И повезли меня в свою стекляшку «показания снимать». Мои соседи так и остались с раскрытыми ртами.

Там следователь, молодой парень, на главную улику давит:

²⁴ Одна из старейших тюрем Грузии.

²⁵ Госпожа – уважительное обращение к женщине (*груз.*).

– На вашем участке конопля растет, а вы и не в курсе. Признайтесь, что вы, как минимум, в доле.

– Да я и не знала, что это конопля, – говорю.

Он опять свое:

– Вы двух сыновей вырастили и понятия не имеете, как выглядит конопля? Не делайте из меня идиота. Пишите чистосердечное, и вам скинут срок. А я сейчас позвоню, чтоб вас в наркодиспансер на экспертизу отвезли.

Дал бумагу и час на обдумывание, а сам вышел куда-то.

Сижу я, плачу и все святителю Николаю молюсь. Я его и так насчет сыновей каждый день беспокою, а тут и вовсе аховая ситуация...

Беспокойство насчет сыновей у тети Тани имело особые политические причины. Восемнадцать лет назад ее оба сына, погодки, как только им исполнилось семнадцать лет, чтоб не попасть в армию в Грузии и заодно заработать, еще с советскими паспортами перебрались в Россию. Армии они избежали, а что касается денег, то бабушка надвое сказала. Все, что зарабатывали нелегально на стройках, уходило на съем квартир и бесконечные взятки милиции. Документов у них не было. Вернуться в Грузию к матери они тоже не могли, да и не хотели. Их тут же арестовали бы на границе за уклонение от воинской службы и так далее. За эти годы ребята обзавелись семьями, детьми, но легализоваться в России так и не смогли. Их жены числились матерями-одиночками, получали помощь и тем самым вносили ощутимый вклад в бюджет семей. Таня получала только фото возмужавших сыновей и плакала над мордашками внуков. Съездить повидаться было нереально. Ей, как гражданке Грузии, в родственной визе было отказано. Невестки, хоть и имели гражданство РФ, но по известным причинам не стали бы афишировать связь с нелегалами.

Иногда тетя Таня вздыхала:

– А ведь предупреждали нас старцы в Александро-Невской: «Придет такое время, многие захотят в Россию переехать. Не надо. Терпите, что Бог пошлет, у себя дома. Границы закроют – своих детей не увидите». И зачем я тогда панике поддаюсь? Вот теперь что делать, ума не приложу. Только молюсь, чтоб мне сыночков увидеть. Хоть как-нибудь...

Но выхода из тупика пока не было.

– Проходит час, я ничего не написала. Потому что по-грузински писать без ошибок не могу. И что писать? Нацарапала кое-как две строчки. Мол, не моя эта конопля, и все тут. Только Николая Чудотворца мысленно прошу о помощи.

Следователь тем временем вернулся. Смотрю, тон другой. Извиняющийся:

– Вы свободны, калбатано Татьяна. Хотите, мы вас на патрульной машине назад отвезем, откуда взяли?

– Ой, говорю, отвезите, а то у меня ноги не идут. От нервов, чувствую, давление у меня подскочило.

Привезли они меня обратно в Нахаловку. Смотрю, перед моим домом вся наша улица собралась, и Заира-бомжиха, как генерал, перед войском расхаживает. Сама метр с кепкой в прыжке, кулаком потрясает и что-то выкрикивает.

– Правда, бомжиха, или как?

– Заира квартиру в девяностых годах за долги потеряла и с тех пор ночует из милости в детском саду на кровати, а днем по улицам бродит. То к одной соседке зайдет, то к другой по старой памяти. У меня как-то пять лар заняла – и с концами. Я с ней не здоровалась даже.

Потом я узнала, что Заира главный шум подняла и всех соседей накрутила митинг в мою защиту устроить.

– Мы тут всю улицу перекроем, если нашу Таню не отпустят! Не виновата она. К наркотикам отношения не имеет. Мы все голову наотрез дадим!

А Бесо своего сына под шумок в деревню усрал и всех наших умолял:

– Не брякните чего про Гочу, не погубите парня! Ведь посадят манную кашу лопать лет на пять, как минимум!

Соседи сжалились, конечно, Гочу с горшочного возраста помнят. Все стали твердить, что конопля эта проклятая сама выросла, случайно. Природное чудо, мол. И главный упор на меня делают. Даже бывшему начальству в АТС позвонили, чтоб те с полицией связались и подтвердили, что я человек приличный и от криминала далека...

Надо же такое! От кого-кого, а от Заиры я такого точно не ждала. Потом она мне рассказала, что у нее на полицию давний зуб. И когда меня арестовали, ей это прямо как в голову ударило, и начала она действовать – людей подымать и всем на совесть давить.

В общем, на радостях я Заире десять лар подарила. А Николаю Чудотворцу – благодарственный молебен заказала. Без него тут точно не обошлось...

Честное слово

Этот сюжет я увидела по телевидению.

...Кадры криминальной хроники показывают комнаты деревенского дома. Везде все перевернуто. На переднем плане пожилая пара.

Молодая журналистка протягивает хозяину дома красный шаровидный микрофон и просит:

– Расскажите, пожалуйста, как все произошло.

– К нам зашли трое в масках, – с перерывами, медленно, говорит старик. – Связали нас...

Стали искать деньги. Нашли все, что было: восемьдесят лар... Взяли еще два кольца и ушли... Когда уходил последний, Нанули его позвала:

– Дай мне воды.

Тот затоптался, крикнул своим:

– Идите, я вас догоню!

Он развязал моей жене руки и дал воды. Слышу, она ему шепчет:

– Гио, помнишь, в школе говорила я тебе: «Не водись ты с этим Анзором! Втянет он тебя в историю!»

Этот парень, смотрю, остолбенел. Стоит, мнется.

Моя жена продолжает опять шепотом:

– Гио, я ведь тебя по голосу узнала. Что мне твоя дурацкая маска! Не бойся, я никому не скажу о тебе. Но дай мне слово, что ты бросишь это дело.

Журналистка радостно констатирует:

– Итак, дорогие телезрители, преступление почти раскрыто. Ваша жена смогла опознать одного из грабителей.

Старик неловко кряхтит.

– Э-ээ... Как сказать... Узнать-то она узнала, но даже мне не говорит, кто это был. У нее в каждом классе по три-четыре Гио были. И Анзоры попадались не реже. За сорок лет это сколько будет? Он ведь слово дал... Так и ушел в маске. Только сказал: «Извините, Нанули-мас²⁶. Так случайно вышло».

Журналистка резко меняется в лице:

– Вы просто обязаны помочь полиции. Мы строим правовое государство!

Тут старушка берет микрофон и говорит в экран доверительно:

– Я верю тебе, Гио! Ты знаешь! Не подведи!

Потом поворачивается к растерянной журналистке и успокаивает ее:

– Все бывает в жизни, деточка! Он всегда был непоседливым мальчиком. Надо же человеку дать шанс. А полиция пускай других ловит. Мы тут сами разберемся.

²⁶ Обращение к учителю независимо от пола (*груз.*).

Герои «Имеди»

Не стоит селение без праведника, а город без святого, как говорится. Это и вправду так. Поэтому мне бы хотелось рассказать о героях «Имеди».

Несколько лет назад на грузинском телеканале «Имеди» начали демонстрировать цикл короткометражных документальных фильмов «Имедис Гмиреби» («Герои Имеди») – краткие рассказы о героях нашего времени.

Цель этой еженедельной передачи – поиск и представление общественности рядовых жителей страны, совершивших гражданские подвиги. Проект стал настолько успешным, что ежегодно по эсэмэс-голосованиям стали выявлять финалиста года и вручать разные награды тем, кто так или иначе поразил людей своим мужеством в обыкновенной жизни.

История первая. Шпион

Девяностые годы. Абхазия. В кабинет полковника госбезопасности ввели задержанного – невысокого человека с целлофановым пакетом в руках.

– Задержан при переплытии Ингури, – доложил сержант.

– Фамилия, имя? – спросил полковник, доставая формуляр.

– Отар Маршава.

– Лучше сразу признайтесь, вы грузинский шпион? С какой целью пытались проникнуть в Абхазию?

– Я врач. Переплыл, чтобы сделать операцию.

– Не считайте меня за идиота. Что, здесь своих врачей нет?

– Есть, – устало согласился задержанный, – но вызвали меня. Я же не мог отказать.

– Чем вы это докажете?

«Шпион» покопался в своем пакете и достал оттуда операционный набор инструментов и клочок газеты, на котором вкривь и вкось было написано по-русски: «Отар, приезжай. Ты срочно нужен!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.